
В.В. Агеносов, Т.В. Павловец

Михаил Александрович Шолохов (1905–1984)

Автобиография	1
Род Шолоховых. Детство писателя	3
Юность.....	4
«Донские рассказы»	8
«Тихий Дон»	10
«Поднятая целина», или «С потом и кровью»?	14
Перо под арестом.....	16
Война	21
Продолжение темы: «Судьба человека»	25
Нобелевская премия... Надлом.....	26
Неоконченный роман. Последние годы жизни	28

Автобиография

Биография М. Шолохова давно обросла легендами, слухами, сплетнями. Казалось бы, чего проще: взять автобиографию писателя, где он сам *все* о себе рассказывает, и по ней установить основные факты его жизни. Но в том-то и дело, что единственная более-менее подробная автобиография написана Шолоховым 10 марта 1934 года. В ней писатель не только не рассказывает *всего*, но сознательно уходит от любых подробностей.

Приведем ее целиком:

«Родился в 1905 году в семье служащего торгового предприятия, в одном из хуторов станицы Вешенской, бывшей Донской области.

Отец смолоду работал по найму, мать, будучи дочерью крепостного крестьянина, оставшегося после “раскрепощения” на помещичьей земле и обремененного большой семьей, с двенадцати лет пошла в услужение: служила у одной старой вдовой помещицы.

Недвижимой собственности отец не имел и, меняя профессии, менял и местожительство. Революция 1917 года застала его на должности управляющего паровой мельницы в х. Плешакове, Еланской станицы.

Я в то время учился в мужской гимназии в одном из уездных городов Воронежской губернии. В 1918 году, когда оккупационные немецкие войска подходили к этому городу, я прервал занятия и уехал домой. После этого продолжать учение не мог, так как Донская область стала ареной ожесточенной Гражданской войны. До занятия Донской области Красной Армией жил на территории белого казачьего правительства.

С 1920 года, то есть с момента окончательного установления Советской власти на юге России, я, будучи пятнадцатилетним подростком, сначала поступил учителем по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, а потом пошел на продовольственную работу и, вероятно унаследовав от отца стремление к постоянной перемене профессий, успел за шесть лет изучить изрядное количество специальностей. Работал статистиком, учителем в низшей школе, грузчиком, продовольственным

инспектором, каменщиком, счетоводом, канцелярским работником, журналистом. Несколько месяцев, будучи безработным, жил на скудные средства, добытые временным трудом чернорабочего. Все время усиленно занимался самообразованием.

Писать начал с 1923 года. Первые рассказы мои напечатаны в 1924 году.

В 1926 году начал писать «Тихий Дон». Восемь лет я потратил на создание этого романа и теперь, пожалуй, окончательно «нашел себя» в профессии писателя, в этом тяжелом и радостном творческом труде».

Здесь что ни абзац, то загадка. Вопреки сложившейся традиции писательских биографий Шолохов почти ничего не говорит о своих предках, даже о матери и отце — скупое, нехотя. Не менее лаконично о жизни на территории белого казачьего правительства. Ни слова о своем месте и — тем более — участии в Гражданской войне. Непонятно, что значит «продовольственная работа». Остается гадать, где и как проходили трудные годы молодости писателя.

Единственное, что можно понять из этой по-мужицки хитро составленной автобиографии, что ее автору важно «вписаться» в типичную биографию «простого, рабочего» паренька из народа, ставшего советским писателем. В начале 1930-х годов, когда молодого создателя «Тихого Дона» упрекали в идеализации казачества, «делали» едва ли не пособником белого движения, «отлучали» от советской литературы, только подобной ссылкой на свое «пролетарское происхождение» и можно было отбиваться от «неистовых ревнителее» классового характера советской литературы.

Со временем, когда талант Шолохова будет признан во всем мире, те же самые «неистовые ревнителее» социалистического реализма сочтут эту автобиографию свидетельством того, что дала Октябрьская революция крестьянскому парнишке. Они расцветят ее многочисленными легендами (некоторые из которых им лукаво «подбросит» и сам писатель), призванными показать кровную связь Шолохова с революцией, с партией большевиков. И пойдут кочевать по разным изданиям легенды о неутомимом чоновце, победившем самого батьку Махно; о комсомольце-продразверстчике, гонявшемся по степям за кулацкими бандами.

Лишь в 1990-е годы усилиями ряда исследователей, среди которых особо можно назвать ростовского историка Г. Сивоволова, писателя и критика В. Осипова и журналиста Л. Колодного, удастся доказать, что жизнь Шолохова не укладывается в стереотип, что она так же незаурядна и драматична, как и судьбы его героев.

Шолохову всю жизнь приходилось искать пути, как, не изменяя своим принципиальным убеждениям, оставаться в границах советской литературы. Видимая близость коммунистических постулатов народным идеалам соборной жизни (толстовским принципам «жизни миром») делала писателя активным сторонником строительства социализма и коммунизма. Но реальная практика этого строительства приводила к желанию исправить ошибки, воздействовать на мир своим писательским словом, а порой и к сомнению в возможности такого воздействия. «Ум ищет божества, а сердце не находит». Эти пушкинские слова применимы не только к Шолохову, но и к Фадееву, и к Твардовскому, заставлявшим себя верить в правоту партийных установок и в то же время душой протестовавшим против результатов действия этих установок.

Не внешние события, а глубокая внутренняя драма составляет подлинную биографию Шолохова-художника.

Если принять эту мысль за аксиому, то станут понятными слова сына писателя о том, что воспоминания для отца оказывались «настолько неодолимыми, настолько сильными по глубине эмоционального воздействия, что вольно или невольно он старался их избегать», не делился ими с близкими, а назойливым журналистам «подбрасывал» всякие невероятные истории. Еще более определенно сказала об этом Е. Левицкая, друг и редактор Шолохова: «За семью замками, да еще за одним держит он свое нутро».

Род Шолоховых. Детство писателя

В конце 40-х годов XIX века на Дон, в станицу Вёшенскую приехал из города Зарайска Рязанской губернии купец 3-й гильдии мещанин Михаил Михайлович Шолохов — дед Михаила Александровича Шолохова. Первое упоминание о нем в донских архивах относится к 1852 году, когда он уже успел получить билет на право торговли, поставить лавку и развернуть свое дело. Как установил Н. Сиволов, за 20 лет торговой деятельности «Михаил Михайлович Шолохов приумножил свой капитал и стал купцом 2-й гильдии. Для купцов Вёшенской станицы она оказалась самой высокой степенью гильдейства; за все времена на Верхнем Дону ни один купец не получил звания купца 1-й гильдии». По купеческой линии пошли и сыновья Михаила Михайловича — Александр (родился в 1865) и Петр. Естественно, что родство с купцами после Октября 1917 года существенно осложняло положение молодого писателя. И в автобиографии купец Александр Михайлович превратился в «служащего торгового предприятия».

Не все гладко сложилось у Михаила Александровича и с материнской линией. Его мать Анастасия Даниловна Черникова действительно была дочерью крепостного крестьянина и «с двенадцати лет пошла в услужение»: была горничной у Анны Захаровны Поповой, вдовы войскового старшины Евграфа Ивановича Попова.

Здесь, в имении Поповых, в Ясеновке, и зародилась любовь молодого купца Александра Шолохова и донской красавицы Насти Черниковой. Господа доброжелательно смотрели на отлучки своей горничной и ее встречи с принятым в доме Поповых Александром. На первых порах не возражали и Шолоховы: считали это временным увлечением. Однако как только речь зашла о свадьбе, последовал категорический отказ: бесприданница — не пара купеческому сыну. Между тем события развивались драматически: девушка забеременела. Назревал скандал, единственным разрешением которого в те времена могло быть «покрытие греха» Насти срочным замужеством. Обеспокоенная Анна Захаровна находит жениха: пожилого вдового казака (атаманца) Александра Кузнецова. В числе аргументов не только богатство атаманца и перспектива его скорого ухода в мир иной, но и получение будущим ребенком привилегий казачества. Уговоры, в которых принимала участие и мать девушки, возымели результат: Настя Черникова стала Кузнецовой.

11 (24) мая 1905 года у нее родился сын Михаил, которому по закону на пятом году жизни полагался надел земли и прочие казачьи привилегии. Вскоре после рождения ребенка Александр Шолохов увозит Настю к себе в хутор Кружилин в качестве экономки. На долю ребенка выпадает сложная жизнь незаконнорожденного «нагульного» сына — «нахаленка». Через 5 лет, в 1910 году, Александр Шолохов, а с ним и Настя с Михаилом переехали в хутор Каргин. В 1911 году мальчику нанимают домашнего учителя. В 1912 году он пошел в первый класс Каргинского церковно-приходского училища станицы Вёшенской. Учеба давалась ему легко, но забытое на время прозвище «нахаленок» вновь омрачало жизнь мальчишки. В семь лет трудно понять, почему с тобой не дружат казацата, почему любящие друг друга родители не могут повенчаться.

Атаманец Кузнецов умер в 1912 году. А в следующем году в метрической книге Покровской церкви хутора Каргина появилась запись:

«29 июля 1913 года мещанин Рязанской губернии, города Зарайска Александр Михайлович Шолохов, православного исповедания, первым браком, 48 лет; Еланской станицы Невеста (хутора Каргина), вдова казака Анастасия Даниловна Кузнецова, православного исповедания, вторым браком, 42 лет...

Совершил таинство священник Емельян Борисов и псаломщик Яков Проторчин».

Видимо, через полгода после этого события произошло формальное усыновление Михаила. При этом мальчик терял все права казака, становился мещанином («иногородним»).

Внезапно обнаружившаяся у ребенка болезнь глаз заставила Александра Шолохова повезти сына на лечение в Москву, в известную больницу доктора Снегирева (в «Тихом Доне» именно в эту больницу попадает Григорий Мелехов). Врачи успокоили родителя: заболевание возрастное и со временем пройдет. Тем не менее обследование и лечение длилось почти год, и весь этот год мальчик жил на Плющихе и учился в московской частной гимназии Г. Шелапутина. Через год Александр Михайлович перевел сына в мужскую гимназию города Богучар Воронежской губернии. Последний в своей жизни четвертый класс гимназии будущий писатель закончил в Вешках в канун революции.

Михаил Шолохов был свидетелем трагических событий Гражданской войны на Дону. Он воочию наблюдал, как накатывались на Вёшенскую то красные, то белые. Он видел, как встречали колокольным звоном казачьего генерала Секретева, пережил обстрел красными Вёшенской, конвоирование казаками пленных красноармейцев, прилет аэропланов из Новочеркасска, был свидетелем Вёшенского восстания. Все эти события отложились в памяти будущего писателя и преображенными его талантом вошли в дальнейшем в роман «Тихий Дон».

Другое дело, что не следует преувеличивать непосредственную роль четырнадцатилетнего паренька в тех событиях, слишком буквально воспринимая позднейшие воспоминания Шолохова. Например:

«Мне помнится, как во время Гражданской войны, когда мне было четырнадцать лет, в нашу станицу ворвались белые казаки. Они искали меня, как большевика. “Я не знаю, где сын”, – твердила мать. Тогда казак, привстав на стременах, с силой ударил ее плетью по спине. Она застонала, но все повторяла, падая: «Ничего не знаю, сыночек, ничего не знаю...»

Г. Сиволов провел тщательное исследование этого эпизода второй половины 1919 года и установил, что речь идет отнюдь не о принадлежности четырнадцатилетнего мальчишки к революционной партии, а о попытке его отца спрятать сына от проводимой станичным атаманом есаулом Федором Дмитриевичем Лиховидовым мобилизации на Филоновский фронт. Атаман ставил в строй старых и молодых, здоровых и калек, казаков и иногородних, а всех, кто уклонялся от призыва, называл большевиками и грозился покарать.

В первых числах января 1920 года в станице Каргинской установилась советская власть.

Юность

Михаила Шолохова захватила идея строительства новой жизни. В той острой борьбе, что шла между новым и старым, когда отец шел на сына, а брат на брата, молодой Шолохов безоговорочно занимает революционную позицию.

Начиная с 1920 года вечерами его можно видеть в открытом в поповском доме коммунистическом клубе на собраниях, политзанятиях и диспутах каргинской молодежи. Вначале в них принимали участие преимущественно комсомольцы из числа мещан. Но постепенно к ним присоединились и молодые казаки и казачки. В некоторых источниках можно найти утверждение, что Шолохов был если не руководителем, то душой комсомольской организации. На самом деле комсомольцем он не был и — более того — в комсомол заявление не подавал: знал, что его бы не приняли. Согласно инструкции «О регулировании роста комсомола» он относился к числу детей эксплуататоров.

Наиболее ярко талант молодого Шолохова проявился в драмкружке. Ставили водевили Чехова, переделанного «под современность», «Недоросля» Фонвизина, пьесы-агитки самого Шолохова: «Денщик и генерал», «Генерал Галифе», «Веники зеленые». Как установил Г. Сиволов, «это были пьесы на злобу дня, осмеивающие невежество, бескультурье, находчивость одного и глупость другого, мудрость бедных, тупость и жадность богатых. Осмеивались Митрофанушки, недоросли, воспевались победа красных над

белыми, торжество грядущей светлой жизни. В сочиненных Шолоховым пьесах, несомненно, было много вымышленного, но зрители принимали их как отражение собственной жизни, встречали дружными аплодисментами, криками одобрения... Если на сцене показывали кулака или буржуя, то обязательно в черном жилете, с огромным животом и широкой, как просяной веник, бородой... Спектакль заканчивался тем, что кулак становился на четвереньки, на него в рваной одежде садился бедняк и, торжествуя, покидал сцену. Наверху, как правило, сидел Шолохов».

Как относились родители Михаила к этому увлечению сына, неизвестно; возможно, что гиперболизированные столкновения отцов и детей в будущих «Донских рассказах» имели некоторую если не автобиографическую (чтобы пробудить фантазию, хватало фактов вокруг), то отчасти «автопсихологическую» основу. Сам Михаил поначалу, хотя бы внешне, стал на сторону тех, кто уже победил в Гражданской войне и таким образом принес пусть относительный, но мир. В его пьесах в гиперболизированно-карикатурном виде изображались богачи, мироеды, священнослужители. Зрители узнавали в тех или иных персонажах своих земляков, в нехитрых сюжетах — отражение событий хуторской жизни.

Пройдет несколько лет, и молодой писатель, в первых своих рассказах строго следовавший тому же, чему и в пьесах, принципу разделения на «своих» и «чужих», на белых и красных, откажется от двухполюсного изображения и увидит в красноармейском командире душевную усталость от пролитой им крови («Родинка»), а в носителе старых традиций деде Гавриле душу живую («Чужая кровь»).

В течение двух лет перепробовав множество специальностей — от учителя начальной школы, журналиста и «сценариста» до чоновца и продразверстчика, Шолохов продолжает учиться сам, и эти «университеты» окажутся не менее, а может быть, и более важными для будущего писателя. Эти годы стали временем «накопления» не просто личного опыта, но «усвоения экстерном» опыта поколений. И потому каждая новая встреча, каждое знакомство этих лет — знаменательны. Будь то старый казак Яков Алексеевич Дударев — образец веками возвращаемого умелого хозяина, казака-земледельца, по-мужицки хитрого и стойкого в любом несчастье; или секретарь Каргинской ячейки РКСМ Александр Покусаев, одержимый ненавистью к богатым, к числу которых причислял и вдов с малолетними детьми. Обстоятельные беседы с первым позднее дадут материал для повести «Батраки». Неприятие второго вдохновит на написание фельетона «Испытание», в котором «политическая зрелость» секретаря будет доказана дракой.

Тем временем (лето 1921 года) отец Шолохова назначается руководителем каргинской Заготконторы, помощником делопроизводителя становится его брат Петр Михайлович. Работа эта таила в себе немалый риск: на Дону орудовали банды, убивавшие заготовителей. Для борьбы с ними создаются боевые дружины. Действует такая дружина и в Каргине. Дружинники дежурили на колокольне. Выстрелами в воздух и ударами в колокол они предупреждали о появлении бандитов. По сигналу собиралась вся дружина и держала оборону. Михаил Шолохов дружинником не был (туда принимали только комсомольцев), винтовки не имел, но и безоружным принимал участие в дежурстве на колокольне. А если налетчикам удавалось на какое-то время захватить хутор, вместе с друзьями-комсомольцами скрывался в камышах или в терновниках.

Ему «приходилось бывать в разных переплетках». Однажды Михаил (видимо, по поручению отца) поехал в дальнее село Топкая Балка, где в это время пьянствовали бандиты. Зная парня женщины успели крикнуть ему: «Миша, в хуторе банда!» Шолохов повернул лошадей и умчался — бандиты не обратили на него внимания. В другой раз он прятался от вооруженных людей в кадушке, где на зиму засаливали арбузы или капушту...

Упорное нежелание Михаила Александровича Шолохова впоследствии вспоминать подробности тех лет и своеобразная их интерпретация в единственной автобиографии, как уже говорилось, породили массу слухов и легенд, которые благодаря кропотливым изысканиям шолоховедов сегодня хотя бы частично удалось расшифровать. Итак, Шолохов не был ни комсомольцем, ни большевиком (в узко партийном понимании этого слова), ни тем более чоновцем (ни по возрасту, ни по происхождению — не подходит). Документально подтверждается, что в мае 1922 года Шолохов закончил краткосрочные курсы продовольственной инспектуры в Ростове и был направлен в станицу Букановскую. «Я работал в жесткие годы, 1921 — 1922 годах, на продразверстке. Я вел крутую линию, да и время было крутое; шибко я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти...» — хитро, в духе «высокой дипломатии» составлена эта фраза. «Жесткие годы», «шибко комиссарил» и «превышение власти» в данном контексте можно понимать как угодно, учитывая время и место, легко представить молодого «перегибщика». Однако действия Шолохова по сбору налога в чрезвычайной обстановке были истолкованы вышестоящими как «попустительство», то есть судили его за... уменьшение натурналога (а то и освобождение от него) многодетных семей, что влияло на показатели сбора в целом. Материалы дела не сохранились, поэтому сведения о суровом приговоре — расстрел — и двухдневном ожидании его исполнения, вполне возможно, так же преувеличены, как и «комиссарство». По крайней мере, в анкете личного дела полковника Михаила Александровича Шолохова сказано следующее:

«В 1922 году был осужден, будучи продкомиссаром, за превышение власти на год условно».

Так или иначе, но этим событием закрывается страница боевой юности будущего писателя.

Осенью 1922 года Шолохов уезжает в Москву. Был ли это шаг молодого человека, наконец осознавшего себя писателем, или жажда новых впечатлений и стремление пытливого ума, тяга к знаниям — до конца неизвестно. Ясно лишь одно, что о литературе (или литературной карьере) Михаил Шолохов в то время мог только мечтать, а переезд в Москву был его личной инициативой, потому что комсомольской путевки у него быть не могло (как мы знаем, комсомольцем он не был).

Москва начала 1920-х годов — город, живущий по законам новой экономической политики (нэп), странный конгломерат безработицы, голода и... новых частных ресторанов, магазинов, казино. Город контрастов, как принято теперь говорить. Население столь же неоднородно, как и экономическое развитие: с одной стороны — комсомольцы, активисты, фронтовики в потертых шинелях, бушлатах, гимнастерках, с другой — напомаженные господа из частного сектора, дамы в дорогих шубах. Шолохов же оказывается в нэповской Москве в положении безработного.

Зарегистрировавшись на бирже труда, он несколько месяцев перебивается как чернорабочий и только осенью 1923 года устраивается служащим в жилуправление. С этого времени Шолохов начинает посещать литературные вечера и семинары группы «Молодая гвардия» на Покровке. В группу входили молодые литераторы, прибывшие в Москву из разных концов страны.

Днем — работа в разных местах, а вечерами — литературная учеба. В 1922 году по решению XI съезда РКП(б) были созданы журнал «Молодая гвардия» и газеты «Молодой ленинец» и «Юношеская правда».

Первые литературные опыты Михаила Шолохова вряд ли имели какое-то самостоятельное значение: фельетон «Три», напечатанный в газете «Юношеская правда», посвященный рабфаку имени Покровского, написан на основе увиденного и пережитого в Москве. Герои его — скромные молодые люди, вчерашние рабочие, красноармейцы, крестьяне, которые жадно стремятся к знаниям, подчас отказывая себе во всем. Знаменателен этот фельетон (он, как и все рассказы периода «ученичества», не будет включен

писателем ни в одно собрание сочинений) для нас именно тем, что является примером авторской работы над материалом, обязательно пережитым. Писать о том, что знаешь наверняка, следуя правде жизни, станет основным принципом Михаила Шолохова. С другой стороны, первые же литературные опыты свидетельствуют о несомненной одаренности начинающего писателя.

И тем не менее первый рассказ (не фельетон) Шолохова потерпел неудачу: посланный в редакцию газеты «Молодой ленинец» в 1924 году, он был отвергнут, но напечатана рецензия (практика тех лет).

«Твой рассказ написан сочным, образным языком. Тема его очень благодарна, но это еще не рассказ, а только очерк. Не спеши. Поработай над ним, очень стоит. Введи в него больше действия, больше живых людей и не слишком перегружай образами: надо их уравновесить, чтобы один образ не заслонял другой, а ярче выделялся на фоне другого. Работай терпеливее, упорнее».

Из приведенного отзыва явствует, что причины, по которым был отвергнут рассказ, чисто литературные. Однако В. Осипов, один из исследователей и биографов Шолохова, приводит найденную в архиве запись Дм. Фурманова:

«Слабый рассказ Минаева был принят из целей тактических... Хороший рассказ Шолохова из Гражданской войны был отвергнут: «Нам этот материал надоел»».

Следовать официальной версии или архивной — в данном случае вопрос не принципиальный, потому что результат отказа был оглушающим: Шолохов уезжает на Дон... чтобы вновь много и трудно работать над словом. И уже в декабре того же года все в том же «Молодом ленинце» был напечатан первый рассказ Михаила Шолохова «Родинка», которым по праву открывается творческая биография писателя.

Одновременно Михаил Александрович решает и другую жизненно важную проблему — он женится. Отец невесты — бывший станичный атаман Петр Громославский — не желал отдавать свою дочь за «голытьбу». Однако дочь, Мария Громославская, оказалась не менее упряма в своем желании выйти замуж, чем будущий супруг или отец, и настояла на своем. За свое упрямство в приданое она получила один узелок, а жить молодым пришлось не в просторном курене Громославского, а на съемной квартире кузнеца Долгова.

Несмотря на бытовое неустройство, на откровенное недоверие новых родственников, под стук молота о наковальню за стеной Шолохов упорно работает. Писал чем придется: карандашом, самодельными чернилами из бузины. Из-под пера молодого писателя выходят рассказы за рассказом о виденном и пережитом за годы революции и Гражданской войны. За сравнительно короткий срок им будет написано несколько рассказов, среди них «Двухмужняя», «Продкомиссар», «Родинка», «Бахчевник» и др.; повести «Батраки» и «Лазоревая степь». Весной 1924 года Михаил с женой снова отправляется в Москву. Дни уходят на работу и беготню по издательствам, ночи на написание новых рассказов и редактирование уже написанного. Однако напечатают только два рассказа («Родинка» и «Продкомиссар»), что, конечно, придает сил, но особо не радует.

Шолоховы возвращаются на Дон и вскоре переезжают к родителям Михаила Александровича в станицу Каргинскую. Живут бедно; отец болен, мать обеспокоена за судьбу сына — непонятное занятие, отнимающее все его время: как прежде тесть, так теперь и она не признает литературный труд за работу, способную обеспечить семью. Однако следующий год приносит славу и достойную награду за упорный труд. Шолохова начинают печатать в таких известных московских журналах, как «Прожектор», «Смена», «Огонек». Наконец-то творчество молодого донского писателя получает высокую оценку критики.

Выходят отдельными изданиями рассказы, собранные впоследствии в два сборника «Донские рассказы» и «Лазоревая степь». Первый же сборник, опубликованный издательством «Новая Москва», Шолохов посылает А. Серафимовичу с просьбой дать свой

отзыв. Мнение знаменитого земляка, «старшого», особенно важно для молодого начинающего писателя, работающего вдали от литературных центров, всю жизнь занимающегося самообразованием, которое вряд ли способно заменить полноценное живое общение с преподавателем. Отзыв автора «Железного потока» был более чем одобрительным:

«Просто, ярко, и рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения, правды... Все говорит за то, что т. Шолохов развернется в ценного писателя».

Следующий сборник рассказов Михаила Шолохова выйдет уже с предисловием этого признанного писателя. Такая поддержка сыграла немаловажную роль в творческой биографии Шолохова, не избалованного прежде вниманием мастеров пера.

«Донские рассказы»

«...Безусловно, “Донские рассказы” были пробой пера, пробой литературных сил... нельзя видеть предысторию там, где ее нет... Кто-то из литературоведов вывел сюжетную линию “Тихого Дона” из рассказов “Кривая стежка”, “Двухмужняя”, “Лазоревая степь”, потом снова “Двухмужняя” и снова “Кривая стежка”. Это крошка какая-то получается, а не творчество! Если бы я так писал “Тихий Дон”, с помощью ножниц и клея, то дальше “Кривой стежки” — одного из слабейших моих рассказов — я бы так и не пошел» (М. Шолохов).

Слова эти выделены не случайно: в них раскрывается проблема специфики истории существования первой книги писателя. Долгое время в русском литературоведении рассматривалась она и изучалась лишь с точки зрения «предыстории, предтечи» романа. «Тихий Дон» довлел над «Донскими рассказами»: мотивы, сюжеты, язык, образы — все с позиции последующего их раскрытия и углубления в эпопее. В ней находили «генетический код» романа, «полный конспект всего творчества»... Все это было несказанно интересно с точки зрения литературоведения, но однозначно перечеркивало собственное достоинство ранних рассказов как «творческой лаборатории», необходимой любому начинающему писателю. У которого, если перефразировать знаменитое высказывание одного критика, ошибки — общие для неопытного пера, а достоинства индивидуальные, показательные для раскрытия будущего таланта.

Так, если оторваться наконец от глобальных обобщений-сопоставлений, можно выделить основные черты (а не «конспект»), присущие в той же степени ранним, как и более поздним произведениям с «неповторимым шолоховским очарованием».

Прежде всего это явное предпочтение Шолоховым жизненного правдоподобия перед вымыслом и фантазией. Дилемма, стоящая перед художником на протяжении веков, Шолоховым решена однозначно, с первых шагов (вспомним хотя бы фельетон «Три»). В «Донских рассказах» она будет закреплена и сформулирована окончательно. Не случайно именно в предисловии к одному из изданий этого сборника прозвучит первое и единственное гневливое замечание Михаила Шолохова по поводу «литературной демагогии» некоторых молодых писателей:

«В Москве на Воздвиженке в Пролеткульте на литературном вечере МАППа можно совершенно неожиданно узнать о том, что степной ковыль (и не просто ковыль, а “седой ковыль”) имеет свой особый запах. Помимо этого, можно услышать о том, как в степях донских и кубанских умирали, захлебываясь напыщенными словами, красные бойцы.

Какой-нибудь, не нюхавший пороха, писатель очень трогательно рассказывает о Гражданской войне, красноармейцах, — непременно — “братишках”, о пахучем седом ковыле, а потрясенная аудитория, преимущественно — милые девушки из школ второй ступени, щедро вознаграждают читающего восторженными аплодисментами.

На самом деле ковыль — поганая белобрысая трава. Вредная трава, без всякого запаха. По ней не гоняют гурты овец потому, что овцы гибнут от ковыльных остей, проникающих под кожу. Поросшие подорожником и лебедой окопы (их можно видеть на прогоне за каждой станицей), молча-

ливые свидетели недавних боев, могли бы порассказать о том, как безобразно просто умирали в них люди...»

Вступление это, видимо, написанное сгоряча, будет впоследствии снято, но именно оно — одно из главных свидетельств выбора молодого писателя в пользу принципиально реалистического отображения действительности. «Донские рассказы» оказываются настолько достоверными, что сквозь них, как сквозь прозрачное увеличительное стекло, просматривается вся жизненная история молодого Шолохова. В «Нахаленке» — впечатления детства; революция, Гражданская война, разбой, особенно жестокий и долгий на Дону, где свирепствовал Махно, — в повести «Путь-дороженька». Именно здесь рассказом юного Петьки Кремнева будет слово за словом восстановлен эпизод пленения и сказочно неожиданного освобождения пятнадцатилетнего Михаила Шолохова из рук бати Махно. Пережитый ужас, о котором ни словом не обмолвится подростком, писатель воплотит в повествовании, однозначно лишаящем лихих махновцев литературно-фольклорного обаяния. А продкомиссарская деятельность настолько впечатлила юношу, что героями сразу нескольких рассказов станут бойцы-продотрядчики («Шибалково село», «Продкомиссар», «Жеребенок», «Чужая кровь»)...

Автобиографичность первых произведений впоследствии приведет к очередной крайности в оценке шолоховского наследия: художественные рассказы введут в ранг документальной летописи, И. Лежнев назовет их «хрониками» периода Гражданской войны на Дону. Однако у талантливого писателя правдоподобие никогда не станет фотографическим отпечатком жизни. Пример тому — полемическая лихорадка вокруг первого же цикла рассказов Шолохова. В ее сути — второе отличие индивидуального стиля писателя: неоднозначность решения проблем, описания и раскрытия образов, умение в частном, личном увидеть и вывести всеохватывающее, всеобъемлющее.

Уже в первой из опубликованных новелл («Родинка») появляется эта неоднозначность, психологически осложненное решение центральной темы — темы классовой борьбы: героический командир эскадрона вдруг почувствует слабость от пролитой крови, а кровожадный убийца — вожак банды, — узнав в погибшем родного сына, целует остывающие руки Николки и стреляет себе в рот. Вдруг оказывается, что бедняк бедняку — рознь, и дед Захар (который «на коленях всю жизнь ползил», а посему должен бы быть выразителем нравственности народной) вдруг раздевает собственных внуков перед казнью («Нам по бедности сгодится»), продлевая их муки («Лазоревая степь»). Подобный психологизм в решении «классового» вопроса оказался несколько неожиданным для редакторов новой литературной Москвы. Отсюда достаточно необычна судьба первого сборника — поначалу отвергаемого, а потом всеми признанного. Однако именно психологическая глубина раскрытия сложных нравственных проблем — признак всего творчества Шолохова — ставит его произведения, с самых первых строк, в ряд произведений классической русской литературы.

Темы, пейзажные зарисовки, натуралистические подробности казачьей жизни, образы, которые, имея единичные достоверные прототипы, неожиданно оказываются носителями психологии целого народа, — за конкретными событиями и судьбами Шолохов увидит широкий жизненный поток. По словам В. Литвинова, уже в «Донских рассказах» Шолохов «писал жизнь народа».

Все это — достоинства молодого таланта, которые проявляются у одного на тысячу. К недостаткам же первого сборника рассказов относят стилистическую их неравномерность. Хотя именно выбор манеры написания (из-за которого и пострадала стилистика) свидетельствует о сложной «ученической» работе юного автора по поиску сугубо «своего инструментария». Здесь и ирония («О Донпродкоме и злоключениях заместителя Донпродкомиссара товарища Птицына») — позднее она понадобится при создании некоторых образов (дед Шукарь), но не окажется определяющей; и сказовая манера, получившая широкое распространение именно в годы революции с появлением

нового героя — выходца из народа, — также частично останется («Судьба человека», и очень модная среди современников-писателей метельная, орнаментальная проза («Коловерть»: «Хорунжий. Погоны новенькие. Пробритый рядок негустых волос. Свой: плоть от плоти, а стесняется Пахомыч, как чужого»). Каждый по отдельности из приведенных выше стилей не мог отвечать поставленной перед писателем-«летописцем» задаче «всеохвата» жизненных реалий, масштабности решаемых проблем (даже в малом литературном жанре — рассказе). У многих писателей на выбор стиля, пробы и ошибки уходят годы, Шолохов же как будто торопит жизнь, перемалывая в одном-двух рассказах, отмечая и выбирая свое, то, что впоследствии будет названо «неповторимо шолоховским стилем».

Отдавая дань романтическим сюжетам Гражданской войны (смертельная ненависть отца-белогвардейца и сына — красного командира в рассказе «Родинка»; любящие друг друга муж и жена, оказавшиеся в разных лагерях, в рассказе «Шибалково семя»; гибель лошади в рассказе «Жеребенок»), писатель в этих лучших своих произведениях одновременно показывал бесчеловечность Гражданской войны, осуждал убийство, прославлял народные (общечеловеческие) ценности.

Уже в первых рассказах проявился интерес писателя к фигурам трагическим, попавшим в жернова истории («Семейный человек» и «Обида»).

Шолохов воспринимает XX век как наиболее трагический в истории человечества. Литературоведами подсчитано, что из 20 рассказов, включенных писателем в донской цикл, в десяти герой погибает, в пяти подвергается пыткам или ранен, в четырех — должен убить близких. Вместе с тем у читателя не возникает ощущения бессмысленности бытия. Для всех произведений Шолохова характерна вера в бессмертие и торжество жизни.

Александр Михайлович Шолохов, уже тяжело больной, успел перед смертью порадоваться успехам сына, подержать в руках его книгу с предисловием А. Серафимовича... Похороны отца, который умер глубокой осенью 1925 года, были бедные, скупые, тихие. Его похоронили в глубине бывшего приходского кладбища, а через два года небольшой могильный холмик провалился, зарос травой. Вспомнят о могиле Александра Михайловича лишь во время празднования 70-летнего юбилея его сына, поставят обелиск через 50 лет после смерти. Что до народного внимания — понятно: безличная масса не обязана помнить, но невнимание сына, основным мотивом творчества которого вопреки «партийным линиям» всегда оставалось родовое самосознание человека, а семья утверждалась как превеликая ценность, — непонятно. Неужели последующие годы ужаса, террора и... славы («кнута и пряника») могли так его изменить? Вряд ли мы услышим ответ. Факт же остается фактом.

Похоронив отца, Михаил Шолохов полностью отдает себя выбранной профессии писателя. 1925 год, отмеченный прежде всего первым признанием, первым гонораром, встречей с Серафимовичем, запомнившейся на всю жизнь, завершается также знаменательно: Шолохов приступает к работе над романом. Решение более чем самонадеянное: небольшой опыт в написании рассказов и повестей (жанров не столь масштабных), хорошее знание материала и необыкновенное трудолюбие и усердие, проявленные ранее, наверное, уверенность в правильности выбранной темы (критерии этого: жизненная необходимость, обоснованность и правдивость) и стиля, ей отвечающего, — вот все, что было в багаже совсем молодого — двадцатилетнего — писателя.

«Тихий Дон»

«Начал писать роман в 1925 году. Причем первоначально я не мыслил так широко его развернуть. Привлекала задача показать казачество в революции. Начал с участия казачества в походе Корнилова на Петроград... Написал 5–6 печатных листов. Когда написал, почувствовал: что-то не то...»

Шолохова захватила идея создать эпос народной жизни на переломном этапе конца XIX — первой трети XX века. Роман «Тихий Дон» принес автору мировую славу и... множество огорчений.

Задумывалась книга как вполне традиционное для советской литературы повествование о жестокой борьбе за победу советской власти на Дону осенью 1917 — весной 1918 года. Нечто подобное уже было в «Донских рассказах», составивших первую книгу писателя.

Однако вскоре Шолохов отказался от первоначального замысла. Произошло это вследствие все той же писательской правдивости: Шолохов почувствовал, что объяснить казачье восстание, не раскрыв своеобразия этого народа, невозможно. Вот почему весь первый том его романа о другом: о жизни и быте донских казаков.

Первые книги романа были подвергнуты оглушительной критике неистовых ревнителей «классовой чистоты литературы»: писателя обвиняли в идеализации патриархальной деревни, в отходе от классовой непримиримости к казачеству, значительная часть которого не поддержала большевистскую революцию. Публикация третьей книги, в которой повествовалось о спровоцированном большевиками казачьем Вешенском восстании, была задержана, что породило версию о творческой несостоятельности автора, якобы укравшего две первые книги у некоего другого писателя. Вот как вспоминает об этом Е. Левицкая — в то время библиограф издательства МК ВКП(б), впоследствии один из верных друзей писателя (именно ей Шолохов посвятит рассказ «Судьба человека»):

«Боже мой, какая поднялась вакханалия клеветы и измышлений по поводу “Тихого Дона” и по адресу автора! С серьезными лицами, таинственно понижая голос, люди как будто бы вполне “приличные” — писатели, критики, не говоря уж об обывательской публике, передавали “достоверные” истории: Шолохов, мол, украл рукопись у какого-то белого офицера — мать офицера, по одной версии, приходила в газ. «Правда» или ЦК, или в РАПП и просила защиты прав ее сына, написавшего такую замечательную книгу... Бедный автор, которому в 1928 г. едва исполнилось 23 года! Сколько нужно было мужества, сколько уверенности в своей силе и в своем писательском таланте, чтобы стойко переносить все пошлости, все ехидные советы и “дружеские” указания “маститых” писателей».

Но хотя с опровержением этой сплетни выступил не только поддерживающий Шолохова А. Серафимович, но и недолголюбивавшие его Л. Авербах, В. Киршон, А. Фадеев и В. Ставский, версия о плагиате преследовала писателя всю его жизнь, отравляя его существование.

И все же наиболее драматичной оказалась судьба третьей книги романа. В 1929 году в журнале «Октябрь» (№ 1–3) печатаются первые двенадцать глав, после чего публикация романа вдруг обрывается — без всякого объяснения со стороны редакции; в 1930–1931 годах появляются лишь отдельные отрывки из третьей книги, и только в 1932 году, то есть три года спустя, «Октябрь» возобновляет публикацию романа, предварительно подвергнув его жесточайшей цензуре (были вырезаны главы, по мнению редакции журнала, крамольные). После угрозы Шолохова забрать роман совсем некоторые главы были допечатаны — но в каком виде! Набранные очень мелким шрифтом в конце майского номера журнала несколько разрозненных кусков сопровождалось невнятным объяснением, что все это выпало, мол, из публикации по вине типографских рабочих, нечаянно рассыпавших набор. Небывалый случай в журналистской практике!

На самом же деле причиной всему были проблемы «нелитературного свойства»... В центре повествования третьей книги — восстание казаков 1919 года. Оно, что было выяснено Шолоховым, оказалось белым пятном в истории Гражданской войны. Как отмечал историк С. Семанов, именно Шолохов первым дал самые точные и полные сведения об этом трагическом событии. Здесь немаловажную роль сыграл уже принятый за основу в «Донских рассказах» принцип автобиографичности: писатель использовал личные воспоминания о восстании, в эпицентре которого в свое время оказался сам.

На «ошибочность» подобного изложения истории укажет главный защитник и обвинитель шолоховского романа — Сталин:

«...Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем “Тихом Доне” ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что “Тихий Дон” — никуда не годная вещь?»

И тем не менее это победа: зеленый свет для издания романа. Однако его могло бы не быть, если б не М. Горький. Именно к нему в отчаянии обратился за помощью молодой писатель, именно Горький устроил первую встречу набравшего силу прозаика и набравшего мощь вождя.

Горький организует эту встречу, понимая, что «дело» романа зашло слишком далеко и уже невозможно никак иначе повлиять на издателей:

«Она [рукопись] доставит эмигрантскому казачеству несколько приятных минут. За это наша критика обязана доставить автору несколько неприятных часов».

Так отмечена правдивость Шолохова. В июле 1931 года в доме Максима Горького состоялась встреча Сталина и Шолохова. Много из сказанного, видимо, надолго запомнилось писателю. Например, категоричная характеристика Корнилова: «Как это — честен?! Он же против народа пошел! Лес виселиц и моря крови!» — почти дословно войдет в диалог офицеров из незаконченного романа «Они сражались за Родину». Главный результат — Шолохов успокоен: встреча прошла для него благополучно.

«Изображение хода событий в третьей книге «Тихого Дона» работает на нас, на революцию» (Сталин).

Встреча обнадежила, несмотря на то что, как мы знаем, рукопись еще два года не будет востребована издателями. 1931 год оказался заполнен всякими литературными и нелитературными заботами. Во-первых, Шолохов получил официальное признание как заслуженный писатель: секретариат РАППа утвердил его членом редколлегии «Октября». До этого Шолохов в РАППе «общественных нагрузок» никаких не имел. Во-вторых, вместе с признанием и известностью, пришедшими к писателю значительно раньше, волей-неволей ему приходилось много времени отдавать политическим проблемам своих земляков. К 24-летнему писателю шли за советами «дяди», ходатаи, нередко пожилые казаки. Шолохов вникал в проблемы коллективизации, или, как теперь принято говорить, «раскрестьянивания», болея душой за своих земляков, «мотался» по станицам, разбираясь со всем на месте. Он пишет полное горечи письмо Левицкой. Мудрая женщина посчитала это письмо настолько важным, что переслала (немного отредактировав: снизив тон) копию Сталину. Так еще до личного знакомства писателя с вождем началось заочное противостояние. Письмо Шолохова адресовано не Сталину: «Середняк уже раздавлен. Беднота голодает» (из письма Левицкой), ответ Сталина — не Шолохову: «Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь» (Сталин — Молотову). Ответ этот Шолохов прочтет лишь через 20 лет. А пока, захваченный происходящей повсеместной коллективизацией и раскулачиванием, берется, не закончив первый роман, за другой, поначалу назвав его «С потом и кровью».

Как было всегда в жизни Шолохова, чересполосица черно-белая, пестрая: новая радость — начинается съемка кинофильма по «Тихому Дону». В главной роли Эмма Цесарская (Аксинья), актриса уже известная, а с этого момента — один из близких друзей Шолохова.

И вдруг, уже после июльской встречи с вождем, письмо от Фадеева, который от лица РАППа «советует» писателю немедленно, в третьей же книге сделать Григория Мелехова «нашим» («закон художеств. произведения требует такого конца, иначе роман будет объективно реакционным»). Но при этом замечает: «Ежели Григория теперь помирить с Сов. властью, то это будет фальшиво и неоправданно». И в конце письма: «Сделай его

своим, иначе роман угроблен». В письме Левицкой, жалуясь на отрицательную атмосферу вокруг романа, вовсе не способствовавшую плодотворному творчеству, Шолохов признается:

«...Фадеев предлагает мне сделать такие изменения, которые для меня неприемлемы никак <...> Я предпочту лучше совсем не печатать, нежели делать это помимо своего желания, в ущерб и роману и себе».

И все же судьба третьей книги решена:

«Кончил нелепо, на 6-й части, не распутав и не развязав всех узлов... Меня очень прельщает мысль написать еще 4 книгу (благо из нее у меня имеется много кусков, написанных одновременно, под "настроение"), и я, наверное, напишу-таки ее зимою...»

В полной мере планам писателя осуществиться не было суждено. Обстановка в стране, на родной Донщине, да и вокруг самого автора «Тихого Дона» складывалась явно не в пользу литературной деятельности. Кроме того, много времени отнимала общественная работа. 1933 год был отмечен новым сталинским Законом «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», более известный своим народным названием — «Закон о пяти колосках». В результате было осуждено 55 тысяч человек, приговорено к расстрелу 211 человек (память об этом будет долго тревожить писателя:

«Мою сноху в тридцать третьем году присудили на десять лет. Отсидела семь, остальные скосили. Только в прошлом году вернулась. Украла в этот голодный год на току четыре кило пшеницы. Не с голоду же ей с детьми подышать?.. Вот за эти десять фунтов пшеницы и пригрохали ей за каждый фунт по году отсидки. За них и отработала семь лет» (из романа «Они сражались за Родину»).

В то же время реакция Шолохова была потрясающая: «Я подумываю о том, как бы заблаговременно «эвакуироваться» (из письма Солдатову). «Район идет к катастрофе. Что будет весной, не могу представить даже при наличии своей писательской фантазии. Писать бросил — не до этого», — сообщает он секретарю Вешенского райкома партии Петру Луговому. Но Шолохов не только не сбегает, а еще и снова вступает за родной Тихий Дон. Исчерпав все возможности на месте, он пишет письмо о перегибах «неумелых управителей» Сталину. Письмо в духе времени испещрено эпитетами «враги народа», «происки троцкистов» и т. п., на пятнадцати страницах сплошь ужас, кровь, смерть...

«Т. Сталин! Вешенский район наряду со многими другими районами Северо-Кавказского края не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян. В этом районе, как и в других районах, сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями...

...В Вацаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подола юбок керосином, зажигали, а потом тушили: "Скажешь, где яма?"

...Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь — февраль.

...В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков.

...Массовое избиение колхозников и единоличников.

Из 50 000 населения голодают никак не меньше 49 000. На эти 49 000 получено 22 000 пудов. Это на три месяца...»

В письме не только о страданиях и проблемах, но и о их действительных, а не мнимых возбудителях:

«Вешенский район не выполнил плана хлебозаготовок не потому, что одолел кулацкий саботаж и парторганизация не сумела с ним справиться, а потому, что плохо руководит краевое руководство».

И в связи с этим просьба направить в район «доподлинных коммунистов», у которых хватит сил «разоблачить» виновников. При этом писатель удивительно дипломатично

умалчивает о предыдущей комиссии ЦК ВКП(б) во главе с Лазарем Кагановичем, результаты которой явно не удовлетворили народного заступника. А в заключение фраза необычная, почти угроза:

«Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу “Поднятой целины”».

Ответ будет еще более необычен:

«Письмо получил. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Назовите цифру. Сталин».

Писателю — «назовите цифру», как ревизору или бухгалтеру. Это высший пилотаж дипломатии: не писательское, мол, дело политикой заниматься. Тем не менее комиссия, возглавляемая М.Ф. Шкирятовым, на Дон прибудет, правда, для этого потребуется еще не одно письмо. Через десять дней с начала работы комиссии вывод-докладная:

«...т. Шолохов, как хорошо знающий район, помог мне... Результаты расследования перегибов в Вешенском районе полностью подтвердили правильность письма тов. Шолохова».

Предлагаемые меры крутые: исключать из партии перегибщиков (фамилии определены). Державные выводы — постановление «О Вешенском районе» — значительно мягче. Опять полупобеда: Шолохов докладывает о бедах по всему Дону, Сталин — об одном районе, Шкирятов — исключать из партии, Сталин — «Указать на недостаточный контроль над действием своих представителей и уполномоченных». Так будет всегда и во всем. И Шолохов, как и все, будет довольствоваться хотя бы малым:

«Сейчас несколько *распрявился*. Послал хозяину два письма (единственный продукт «творчества» за полгода), получил от него две телеграммы. А вокруг творится страшное...»

После тяжелейшего 1933-го трудности 1934-го, пятого года коллективизации казались мелочью. «Сплошная политика» вроде бы позади, и Шолохов наконец получает возможность закончить четвертую книгу «Тихого Дона». Но «постиг меня жесточайший припадок самокритики», — признавался он, решая полностью переписать четвертую книгу. Доделать окончательно, однако, смог ее лишь в 1939 году. А огорошившая всех финальная глава (восьмая часть четвертой книги, столь долгожданная) увидит свет только в 1940. Ликующей «саги революции» из романа так и не получилось. Григорий Мелехов к истинному большевизму не придет, не возвеличит и не подкрепит партийную идею. А значит, и судьба романа, как в свое время предсказывал осторожный Фадеев, далеко еще не решена. В 1953 году выйдет четырехтомник под редакцией К. Потапова, внесшего в роман множество исправлений (ни одна предыдущая редакция и цензура не могли сравниться с варварскими ножницами этого редактора-цензора). Все произошло с молчаливого согласия автора, что вряд ли может вменяться ему в вину, ибо именно в это время отношения писателя с вождем и «главным критиком» окончательно испортились, а после выхода 12-го тома Собрания сочинений Сталина, где содержалось критическое замечание по поводу описываемого в третьей книге Вешенского восстания, «Тихий Дон» долгое время вообще не переиздавали. Шолохову ничего не оставалось, как полностью довериться редактору, пойдя таким образом на уступки издательству. Полный текст своего произведения, не искаженный цензорскими и редакторскими вмешательствами, Шолохов увидит напечатанным только в 1980 году в Собрании сочинений — через сорок лет после его окончания, за четыре года до конца жизни. Не менее затейливая судьба ожидала и другой роман Шолохова, начатый на подъеме, еще в пору написания «Тихого Дона», как обычно, «вопреки всему».

«Поднятая целина», или «С потом и кровью»?

«Творческая энергия писателей, лишенных возможностей писать и печататься, часто находит выход в создании самых невероятных историй и распространении диких и нездоровых слухов в связи

с любым сколь-либо значительным событием в литературе. Каждый день рождаются десятки легенд и люди верят им» (из доклада эмигрантского литератора А. Калининского, 1930).

Сознательно нарушая хронологию изложения в связи с глобальностью двух произведений, работа над которыми шла практически одновременно, мы вынуждены рассказ о «мытарствах» и художественном своеобразии второго романа Шолохова вынести в отдельную главу. Также сознательно нами приведены слова, сказанные литературоведом о «Тихом Доне», ибо произошедшее с «Поднятой целиной» объясняется этими словами столь же ясно и доступно.

Итак, увлеченный процессом коллективизации и индустриализации — по одной версии; возмущенный тем же самым — по другой; подкупленный или запуганный(?) — по третьей, но так или иначе, Шолохов берется за написание второго романа.

«Придя как-то днем в райком, Шолохов сообщил, что написал несколько глав новой книги о колхозной жизни и отослал их в Москву печатать. Название этой книги, сказал он, будет “С потом и кровью”. Я несколько удивился такому названию и сказал об этом. Он смущенно улыбнулся, но не изменил своего намерения», —

вспоминает его друг Петр Луговой. Судьбы двух романов Шолохова — зеркальное отображение друг друга. Если первый буквально пробивался к печатанию всеми правдами и неправдами, то второй — почти без проблем. Совсем без проблем в то время было невозможно. Во-первых, сразу же было изменено название: от несколько детского («С потом и кровью») к отвечающему «злобе дня» (вдгонку установке Сталина о важности освоения целины — «Поднятая целина»). «На название до сих пор смотрю враждебно. Ну, что за ужасное название! Ажник самого иногда мутит. Досадно», — признавался писатель. Во-вторых, ставшая уже обычной задержка в издательстве — осторожничают. Сначала отрывок из романа был напечатан в газете «Правда»: сцена собрания, на котором решается вопрос о создании колхоза (январь 1932: «Путь туда — единственный...»). Потом — обращение за помощью к... Сталину, и дальше привычная цепочка: одобрение («Что там у нас за путаники сидят? Мы не побоялись кулаков раскулачивать — чего же теперь бояться писать об этом! Роман надо печатать») — печать с купюрами — холодно-равнодушное одобрение критиков — и, наконец, в отличие от «Тихого Дона» «развенчание» некоторыми потомками.

Первая книга «Поднятой целины», написанная по горячим следам, увидит свет в сентябре 1932 года. Был ли это спецзаказ? Документальных свидетельств нет. Но есть другое: заинтересованность, внимание и... озабоченность происходящими на селе изменениями. В романе — автобиографические подробности: Шолохов снова пишет о том, в центре чего находился и свидетелем чего был. Фактический материал, подтверждающий это, — «переписка» со Сталиным, публицистические выступления тех лет. Шолохов пишет в «Правду» две статьи об издевательствах над народом. Первая — о хлебозаготовках, с говорящим названием «Результат непродуманной работы», была опубликована в январе 1933 года, вторая — «Преступная бесхозяйственность (от нашего специального корреспондента)», с требованием об изменении дел в животноводстве, — 22 марта. В этих выступлениях не мелкие указания на «врагов»: Союзпродкорм, Колхозцентр, Скотоводтрест, наконец, наркомат, «который до сих пор ничего не сделал для ликвидации этих безобразий» — вот истинные виновники разорения деревни, Москва, а не «перегибы на местах». Необходимость обращения к этим статьям в разговоре о романе — произведении художественном — теперь стала очевидной: и критикам, и собратям по перу, и читателям, судя по откликам, нет дела до «художественного своеобразия» этого романа Шолохова. Приведем лишь несколько примеров:

«Обличительные страницы в сценах раскулачивания».

«Выражено несогласие со сталинским планом коллективизации. В это трудно поверить, но перечитайте сцену столкновения посланца ЦК Давыдова и местного секретаря райкома».

«Отсутствуют добрые краски в образе Сталина. Он здесь строго со служебными целями — как автор статьи “Головокружение от успехов” или репрессивных указаний. Он отсутствует даже тогда, когда Шолохов обязан был бы его писать — при упоминаниях обороны Царицына, к примеру».

Были и положительные оценки, правда, не так много. Долгое время критики предполагали (правда, без опоры на факты), что «Поднятая целина» — «соглашение, связанное с взаимными уступками ради общей цели...». Сталин, который в это время отдыхал в Сочи, отозвался на публикацию романа в письме Л. Кагановичу:

«В “Новом мире” печатается роман Шолохова “Поднятая целина”. Интересная штука! Видно, Шолохов изучил колхозное дело на Дону. У Шолохова, по-моему, большое художественное дарование. Кроме того, он — писатель глубоко добросовестный: пишет о вещах, хорошо известных ему».

Не обошел молчанием роман и М.И. Калинин, Председатель Президиума Верховного Совета (в народе — «верховный староста»): на встрече с молодыми писателями заявивший:

«Смотрите, Шолохов! Ведь “Тихий Дон” и “Поднятая целина” — лучшие произведения. А написал человек в глухой провинции, в маленькой станице, и никакие журналы для начинающих ему не помогали. Работал много — вот и вырос».

Критика эмигрантских журналов откликнулась на «Поднятую целину» по-своему. В газете «Возрождение» профессор-эмигрант Н. Тимашев писал:

«Ни в одной книге так, как в романе Шолохова, не раскрыт роковой, подлинно трагедийный характер “социалистического переустройства деревни...”; «При прочтении книги невольно возникает вопрос: “кто ее автор, подлинный приверженец Сталина и его режима или скрытый враг, только надевший личину друга?”»

«Мистер Шолохов сумел преодолеть полицейские кордоны, окружающие русскую литературу, и показывает западным читателям яркие, интересные характеры, возбуждая симпатии к героям плохим, так же как и к хорошим. Удивительно, что он остается еще на свободе...» —

это отклик журнала «Ньюсуик».

А вот резолюция потомков (1988):

«Вытеснить из школьной программы роман советского классика “Поднятая целина”. Я своим требованием защищаю своих детей. Вот и все».

На этом «вот и все» почил вся критика романа «Поднятая целина» советского и постсоветского периода: нет ни серьезных анализов образов («бедняцкий актив»: дед Щукарь, Демка-косой, Демид Молчун и др.; «враги»), забыта неоднозначность прочтений, не выводится авторская концепция истории, отраженная в романе, — насквозь трагичный XX век и т. д.

Все это, надо надеяться, в будущем, как в свое время написание и публикация второй книги «Поднятой целины» (только в 1960 году, тридцать лет спустя!). А пока впереди годы, страшные *лично* для Михаила Шолохова.

Перо под арестом

1934 год для Шолохова биографически и исторически знаменателен. Главные события года: сразу два съезда — XVII съезд ВКП(б) и Первый съезд советских писателей. В преддверии высшего партийного форума проводятся чистки на местах:

«Чистки у нас еще не было, но в члены меня перевели (вопреки постановлению ЦК) и ходатайствуют (райком) об утверждении этого решения. А вы говорите — “сочувствующий”. Я свое уже отсочувствовал и все время пребываю “активным кандидатом”, —

сообщал Шолохов Левицкой. И так, событие первое — Шолохова принимают в партию.

После партийного съезда страна готовится к писательскому. Шолохов пишет две статьи о своих профессиональных взглядах-убеждениях: «За честную работу писателя

и критика» и «Английским читателям» (по случаю выхода «Тихого Дона» в Англии). Статьи резкие, программные. По мнению Мартемьяна Рютина (позднее будет арестован и расстрелян), главная мысль — «неприятие Шолоховым приспособленческой литературы». «Плох был бы тот писатель, который приукрашивал бы действительность в прямой ущерб правде...», — писал Шолохов в статье «Английским читателям» (журнал «Знамя», 1991). На съезде о статьях не будет сказано ни слова, да и сам автор замкнется, не выступит. Не считая ранее запрещенного фильма по «Тихому Дону», это последний откровенный выпад против Шолохова. С этих пор основным творцом биографии писателя становится... Сталин.

После 1934 года и до 1941, если судить по Собранию сочинений, Шолохов напишет всего одну статью «Красная Подкушевка» (о Гражданской войне). Начнет сразу после съезда, но так и не закончит всеми ожидаемую пьесу:

«Решил создать оригинальное драматургическое произведение, тоже на колхозном материале... Такую пьесу я даже начал, написал почти половину и временно отложил...»

Интересно, что на второй знаменательной встрече Шолохова со Сталиным на даче у Горького вождем было высказано пожелание о создании сценария по «Поднятой целине». Выходит, ослушался. Да и сам роман, вторую книгу которого писатель также собирался заканчивать зимой 1934 года, явно не пишется: «Тут путь преградили известные перегибы». Кратко и неполно, ибо это только одна причина — политическая, но Шолохов — писатель, поэтому должна же, наконец, быть и литературная. Следуя логике его программных статей, она есть, и позднее сам писатель ее сформулирует:

«Дописал до конца первую книгу и стал перед проблемой: в настоящий момент уже не это является основным, не это волнует читателя... Ты пишешь, как создаются колхозы, а встает вопрос о трудовом дне, а после трудовой встает вопрос уже о саботаже...»

Вот оно — трагедия жизнеподобия, с одной стороны, и строгий запрет Сталина защищать «саботажников» (читай: умирающих от голода), с другой — Шолохов берется за охотничьи рассказы — и вновь загадка: таких рассказов не существует, лишь упоминание о них в «Комсомольской правде»:

«Шолохов начал писать рассказы» (*Вера Кетлинская*).

В общем, вместо творчества какая-то суета. Шолохов по-прежнему помогает землякам, организует театр, выбивает деньги для водопровода в Вешенской, работает... с молодыми писателями. Исписался? Испугался? А может, все-таки плагиатор? Едет за границу, в Данию — честь и доверие, оказываемые Сталиным далеко не каждому. Но на смену поощрению (поездка за границу) приходит жесточайшее бичевание. Свершается предсказание охочих до сенсаций западных журналистов («удивительно, что он еще на свободе»):

«В конце 30-х годов и над Шолоховым сгустились тучи. Он мог бесследно исчезнуть в ночи сталинизма...» (*из итальянской газеты «Джерно»*).

Если опираться на факты, происходило следующее: над жизнью писателя нависла угроза ареста по сфальсифицированному обвинению в контрреволюционном заговоре на Дону.

Началось все с ареста в ноябре 1936 года Красюкова (члена бюро Вешенского РК). Шолохов выступает на защиту, чувствуя, вероятно, что удар и по нему. Он отказывается от поездки на антивоенный конгресс в Париж (!) — не до того, пишет письмо Сталину о ежовцах и их жертвах.

В феврале 1937 года к Шолохову пришел директор Грачевской МТС соседнего Базковского района Корешков, ранее работавший в Вешенской, и рассказал следующее:

«...его вызвал к себе нач. Миллеровского окр. отдела НКВД Сперанский, продержал на допросе 14 часов, а под конец заявил: “Ты служил в Белой армии, но скрыл это при вступлении в партию. Будучи в белых, ты расстреливал красноармейцев. У нас на тебя имеется вот какое дело, — и показал огромную папку. — Посадить тебя мы можем в любой момент. Но пока мы этого не думаем делать. Все зависит от тебя. Ты нам нужен. Ты в дружеских отношениях со Слабченко, с Луговым, с Шолоховым...”».

Круг был очерчен».

26 апреля из станицы в столицу поступает донос, по одним сведениям, на родственника, по другим — на однофамильца, директора Еланской школы Владимира Шолохова.

В мае арестован лучший друг и защитник Шолохова Луговой. Из письма Шолохова:

«С января 1937 г. начали допрашивать обо мне, о Логачеве. Через короткие передышки, измерявшиеся часами, снова вызывали на допрос и держали в кабинете следователя по 3–4–5 суток подряд. Короткий разговор: “Молчишь? Не дашь показания, сволочь? Твои друзья сидят. Шолохов сидит. Будешь молчать — сгноим и выбросим на свалку, как падаль!”»

И еще о Луговом:

«Лугового с момента ареста посадили в одиночку... Допрашивали по несколько суток подряд, сажали на высокую скамью, чтобы ноги не доставали пола, и не приказывали вставать в течение 40–60 часов, потом давали передышку в два–три часа и снова допрашивали. Луговой выстаивал по 16 часов, руки по швам, перед следовательским столом. К вариациям допроса можно отнести следующее: плевали в лицо и не велели стирать плевков, били кулаками и ногами, бросали в лицо окурки. Потом перешли на постели, на следующий день убрали из одиночки кровать; чтобы предохранить больные легкие от простуды, так как лежать надо было на голом цементном полу (Луговой болен туберкулезом), он подстилал под спину веник, — взяли и веник из камеры...»

и т. д. и т. п. После этого Лугового отправляют в Москву, опять же, по свидетельствам Шолохова, для дачи показаний против него. Что это, пример того, как бывают «у страха глаза велики», или действительно весь этот ужас ради одного — усмирить непокорного, но ценного для советской литературы писателя? Так или иначе, а ведь действительно Шолохову припоминают не только дружеские связи, но и родственные. Ему прямо намекают:

«Лучше всего было бы для Шолохова (на которого и сейчас влияет его жены родня, — от нее прямо несет контрреволюцией) — уехать из станицы в промышленный центр».

Шолохов же не только не следует этому «совету» (уже неоднократно высказанному), но к тому же отказывается (снова!) от поездки в Испанию на Международный конгресс писателей (из-за «сложности своего политического положения в Вешенском районе»). Он едет в Москву, к своему «биографу», но Сталин принять писателя отказывается.

Сталин думает долго, лишь в сентябре 1937 года состоится с таким нетерпением ожидаемая встреча. Троих друзей спас, был счастлив (в письме Сталину выражена благодарность Ежову!). Но парадоксы сталинской «милости» только слепой не заметит: Луговой, Логачев и Красюков — на свободе, а арестованные «подельники» — в тюрьмах. Шолохов же в благодарственном письме перечисляет имена невинно удерживаемых в застенках и вновь просит «окончательно распутать клубок». Противостояние продолжается.

Приблизительно к этому времени (точной даты нет в воспоминаниях, приводимых нами вслед за известным шолоховедом Осиповым) относится один эпизод, рассказанный позднее дочерью Михаила Александровича Шолохова Светланой. После званого обеда (угощал бывший земляк, вешенский энкаведешник, переведенный в Москву с повышением) Шолохов по возвращении в гостиницу почувствовал внезапную острую боль. Вызвал друга-писателя Василия Кудашева, тот разыскал врача правительственной больницы. Осмотр, диагноз — аппендицит. Уже в больнице, перед операцией подходит медсестра (ни имени, ни фамилии), молча жестами и взглядами дает понять: надо бежать. И Шоло-

хов внял, Кудашев помог. Несколько дней отпаивал молоком. «Приступов аппендицита» больше ни разу не было. Достоверна ли эта история, неизвестно, но очень показательна для иллюстрации тех лет. Тем более что давно было заметно желание «разобраться» с писателем, проявлявшим такую поразительную хитрость в борьбе за жизнь (истинно народное качество, если следовать логике национальных характеров, выведенных самим Шолоховым на страницах его произведений). А изворотливость и «высоты дипломатии» проявлять придется ему еще не раз: дамоклов меч пока не убран.

В 1938 году Луговой получает письмо:

«Я, гр. хутора Колундаевка Вешенского района, арестован органами РО НКВД. При допросе на меня наставляли наган и требовали подписать показания о контрреволюционной деятельности писателя Шолохова...»

Следом признания Ивана Семеновича Погорелова — недавно прибывшего в район инженера из Новочеркасска:

«Меня сняли с работы, пообещали исключить из партии и посадить в тюрьму как врага народа. Но я смогу искупить вину, если выполню важное поручение... Мне предложили поехать в Вешенскую, устроиться на работу, пользуясь знакомством с Луговым, войти в доверие к Шолохову, стараться быть у него на квартире, на вечерах, а затем дать показания, что Шолохов — руководитель повстанческих групп на Дону. Что Шолохов, дескать, и меня, обиженного партией и Советской властью, завербовал в свою организацию. Что Шолохов, организуя вечеринки, собирает на них руководителей повстанцев и проводит с ними контрреволюционные совещания... Я все обдумал и решил твердо: что бы со мной ни было, я на такой путь не пойду».

Тем временем арестовывают брата жены Шолохова:

«Громославский является сыном станичного атамана, до и после революции был служителем религиозного культа; в 1916 г. был псаломщиком, а с 1920 по 1929 год — дьяконом. В 1930 г. был осужден по ст. 59, п. 10 УК, но в 1932 году освобожден по кассации...»

О реакции Шолохова на происходящее вокруг узнаем из письма Левицкой:

«...пишут со всех концов страны и, знаете, дорогая Евгения Григорьевна, так много человеческого горя на меня ввалили, что я начал гнаться».

«Начал гнаться»: новое письмо Сталину, по которому в Вешенскую снова направлена комиссия (во главе все тот же Шкирятов). Но теперь выводы иные: жалобы Шолохова почти по всем пунктам беспочвенны. Михаила Александровича предупреждают о грядущем (ночью) аресте. Он снова бежит в Москву... к Сталину.

По совету жены едет не ближней дорогой (через Миллерово), а дальней — через Михайловку:

«Не знаю, что стало бы с Михаилом Александровичем, если бы он поехал тогда в Москву через Миллерово. Там его поджидали... Это я ему посоветовала запутать следы. И ехать через Михайловку. Они спохватились, да поздно...» —

вспоминала Мария Петровна. В Москве состоялась-таки аудиенция, но не сразу — через несколько долгих дней ожидания решения своей участи. Приняты были сразу несколько человек — главные жертвы доносов и их авторы: Шолохов, Луговой и Погорелов, а также ростовский начальник НКВД, партийные начальники-земляки и Коган (энкаведешник). Погорелову удалось доказать свою правоту документом, на котором оказалось распоряжение, написанное Коганом. Факт поразительный: подобные распоряжения передавались обычно устно или под шифром «строго секретно». Когану ничего не осталось, как во всем сознаться.

История эта, с одной стороны, косвенно подтверждает факт возможного отравления писателя, а с другой — имеет еще одно косвенное продолжение-подтверждение — запись из дневника Корнея Чуковского от 1964 года о его встрече с помощником Хрущева:

«Сейчас ушел от меня Влад. Семенович Лебедев. Вот его воззрения, высказанные им в долгой беседе. “Шолохов — великий писатель, надорванный сталинизмом. Разве так писал бы он, если бы не страшная полоса сталинизма, — Вы, К. И., не знаете, а у меня есть документы, доказывающие, что Сталин намеревался физически уничтожить Шолохова. К счастью, тот человек, который должен был его застрелить, в последнюю минуту передумал. Человек этот жив и сейчас”».

Свидетельство интересное, хотя до сих пор документы не только нигде не опубликованы, но даже не обнаружены. Одни упоминания (устные и письменные). Однако «окончательно» клубок распутан:

«Великому русскому писателю Шолохову должны быть созданы хорошие условия для его работы» (*Сталин*).

И здесь слова с делом не разойдутся: с этого момента Шолохов — «любимец Сталина». Правда, подобное изменение политики в сторону потепления по отношению к литераторам чувствуется во всем: так и не дойдет очередь до осуждения ненавистных Булгакова, Ахматовой, Пастернака, Зощенко, будет дано согласие на возвращение из эмиграции Марине Цветаевой, Ивану Куприну... Все конечно же с макиавеллевской изощренностью: Михаила Пришвина не посадят, но превратят в детского писателя, Платонов на воле, но умирает с голоду... Шолохов в почете, но для него подобная честь оказывается еще одним испытанием — «на гордыню».

В 1939 году тридцатичетырехлетний Шолохов избирается действительным членом АН СССР, награжден орденом Ленина. Вопреки решению Комитета по сталинским премиям (А. Фадеев, В. Довженко, А. Толстой, Н. Асеев и др.) включается в список первых лауреатов. В 1941 году выходит отдельной книгой в 4 частях роман «Тихий Дон». Во вступительной статье написано: «Шолохов — истинный любимец Сталина». Такими словами в то время не разбрасывались...

Изменяет ли этот «подъем на пьедестал» что-либо в жизни писателя, его позиции? В 1940 году Политбюро ЦК принимает решение подготовить книгу «Сталин. К 60-летию со дня рождения» («подарок и руководителю советского народа и народу»). На авторство могут претендовать лишь проверенные выдающиеся деятели науки, искусства, политики. Шолохов, писатель-академик, включен в список. И он не отказывается от оказанной чести поучаствовать в ее создании. Правда, статья его не будет выделяться ни размерами (всего три странички в сравнении с другими на 10—15 и более), ни тоном:

«Мне кажется, некоторые из тех, кто привычной рукой пишет резолюции и статьи, иногда забывают, говоря о Сталине, что можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами».

Верен себе.

В этой связи вспоминается рассказ самого Михаила Александровича, запечатленный младшим сыном:

«В одну из встреч с ним я под разговор возьми да и спроси, зачем, дескать, вы, Иосиф Виссарионович, позволяете так безмерно себя превозносить? Словословия, портреты, памятники без числа и где попадая? Ну, что-то там еще ляпнул об услужливых дураках... Он посмотрел на меня с таким незлобивым прищуром, с хитровой такой усмешечкой: “Что подделаешь? Людям нужно башка”. Меня подвел его акцент, послышалось “башка”, голова то есть. Так неловко стало, куда глаза деть, не знаю. Не чаю, когда уйду. Потом уже, когда из кабинета вышел, понял — “божка”, божок людям нужен. То есть дал понять, что он и сам, дескать, лишь терпит этот культ. Чем бы, мол, дитя ни тешилось... И ведь я этому поверил. Да, признаться, и сейчас верю. Уж очень убедительно это им было сказано».

Случился этот разговор якобы накануне первых выборов в Верховный Совет, значит — в 1936 году. Однако записан значительно позже. В связи с этим возникают два вопроса: с одной стороны, не плод ли этот красочный рассказ писательского воображения (слишком страшный год для подобной вольности), а с другой — статья во славу, мягче,

но ведь о том же. Выходит, Шолохов входит в почетный список из трех смельчаков, которые вопрос «культы личности» задали в открытую той самой личности. Двое других — иностранцы: американский общественный деятель полковник Робине и писатель-антифашист из Германии Лион Фейхтвангер.

Несмотря на все, Шолохов по-прежнему сохраняет за собой право на защиту безвинно обиженных. Вступает за земляков, друзей, по поручению Лугового добивается аудиенции у Анастаса Микояна (заместителя председателя Совета Народных Комиссаров) по хозяйственному вопросу «борьбы с засухой в степных районах». Он даже вступает за... Анну Ахматову и Андрея Платонова. Правда, очень по-шолоховски, скорее спасая Платонова от нужды, чем выделяя талант.

«Михаил Александрович нашел способ помочь. Он “пробил” издание сборника собранных и обработанных Платоновым русских сказок, поставив на нем свое имя. Я видел сборник в библиотеке Литературного института. На титульном листе большими буквами напечатано: “Под редакцией М.А. Шолохова”. Имя Шолохова сделало доброе дело. Андрей Платонович получил какие-то средства для существования».

Не отказал в помощи Андрею Платоновичу и во время ареста его восемнадцатилетнего сына. «Руководитель антисоветской молодежной и шпионско-вредительской организации» по приговору получает 10 лет: «Я дал ложные фантастические показания под угрозой следователя, который мне заявил, что если я не подпишу показания, то будут арестованы мои родители». Шолохов вызволил.

С защитой Ахматовой Михаил Александрович попадает в переплет. К тому времени ее уже много лет не печатают, у нее нет ни квартиры, ни пенсии. Двадцать лет как расстрелян муж (Николай Гумилев), теперь арестован сын. Шолохов вступает, Льва Гумилева освобождают (правда, ненадолго). Более того, Михаил Александрович рассказывает Сталину о таланте Ахматовой, с 1925 года неправоммерно отлученной от читателя. Дается указание срочно выпустить книгу. И тут — слишком... Шолохов представляет эту книгу на соискание только что учрежденной сталинской премии. «Пошли доносы, — вспоминала позднее *А. Ахматова*: — Просто позор, когда появляются в свет, с позволения сказать, сборники. Как этот Ахматовский “блуд с молитвой во славу божию” мог появиться в свет? Кто его продвинул?» Фраза Шолохова, ставшая обычной в заступничестве: «Ручаюсь головой!» — теперь не остается без ответа: «Что-то Вы свою голову дешево цените».

Предвоенные годы были не лучшими для защиты писателей и людей искусства вообще. Однако война изменила многое...

Война

23 июня 1941 года срочная телеграмма из Вешек:

«23.06.41. Наркому обороны Тимошенко тчк Дорогой товарищ Тимошенко тчк Прошу зачислить в фонд обороны СССР присужденную мне Сталинскую премию первой степени тчк По вашему зову в любой момент готов встать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину и великое дело Ленина — Сталина тчк Полковой комиссар запаса РККА зпт писатель Михаил Шолохов».

25 июня Шолохов выступает на собрании ростовского партактива и на митинге в Вешенской: «В этой отечественной войне... вы продолжите славные боевые традиции предков и будете бить врага так, как ваши прадеды бивали Наполеона, как отцы громили кайзеровские войска...» В первом же выступлении писателя есть одно очень важное положение — «отечественная война» понимается им как всенародная.

В годы войны... люди заняты важным делом, забыли минувшие литературные и внелитературные баталии. Шолохов сближается с Фадеевым (они теперь вместе много ездят по воинским частям), защищает и публикует стихи Ольги Берггольц (осужденной

и реабилитированной перед войной), работает военным корреспондентом «Правды». Его первая телеграмма поначалу чуть не была буквально воспринята как установка к действию:

«Конечно, послать Шолохова комиссаром полка, дивизии можно было бы. Одно его слово подымало бы людей в бой...» (*Мехлис*).

Однако вмешался редактор «Красной звезды», затребовавший Шолохова в литотряд: кроме Шолохова в числе сотрудников газеты А. Н. Толстой, И. Эренбург, П. Павленко, А. Платонов... Очень быстро эту идею наиболее полноценного использования писательских талантов поняли и поддержали многие литературные функционеры, в том числе и Фадеев:

«Они могут принести нам большую пользу выступлениями по радио и работой в центральных газетах».

По-своему оценит возможности Шолохова и Сталин... В мае 1942 года состоится новая неофициальная встреча вождя и писателя, важная для последнего своими отголосками в будущем. Шолохов после тяжелейшей контузии, полученной при неудачной посадке самолета. Из всех находящихся на борту выжили только он и летчик. У Шолохова произошло «смещение всех внутренних органов» (*Светлана Шолохова*). Сталин проявляет заботу: предлагает поехать лечиться в Грузию. Одновременно решается судьба летчика: «Говорят, летчик был пьян. Его судить собираются». Шолохов возражает: «Ручаюсь, что пьян не был... Я с ним перед взлетом общался, поэтому и утверждаю». Но не это главное в той знаменательной встрече.

Сталин начал как будто бы издалека:

«Идет война. Тяжелая. Тяжелейшая. Кто о ней после победы ярко напишет? Достоинно, как в “Тихом Доне”... Храбрые люди изображены — и Мелехов, и Подтелков, и еще многие красные и белые. А таких, как Суворов и Кутузов, нет. Войны же, товарищ писатель, выигрываются именно такими великими полководцами. В день ваших именин мне захотелось пожелать вам крепкого здоровья на многие годы и нового талантливого, всеохватного романа, в котором бы правдиво и ярко, как в “Тихом Доне”, были изображены и герои-солдаты, и гениальные полководцы, участники страшной войны...»

Это из воспоминаний Михаила Александровича: сам умел прекрасно изъясняться между строк и сталинские «высоты дипломатии» понимал. А забота так же, как и доверие, оказана немалая... Так, один из биографов Шолохова — Сивололов упоминает о звонке Сталина с предупреждением о необходимости эвакуировать семью Шолохова во время поражений на Южном фронте. Подобных предложений Сталин не делал даже семьям командующих фронтами! Именно во время сборов погибнет мать Михаила Александровича. О личной трагедии он сообщит в письме к секретарю ЦК Маленкову. При этом ни слова не будет сказано о погибшем в то же время личном архиве. История загадочная. А ведь под бомбами были уничтожены и рукописный вариант «Тихого Дона», и так и не опубликованная, но написанная (по некоторым сведениям, также противоречивым) вторая часть «Поднятой целины». Первая рукопись важна как факт опровержения обвинений в плагиате, вторая — в политическом приспособленчестве. История гибели архива также обросла легендами. По одной версии, цитируемой Осиповым со слов дочери Шолохова, он был брошен РО НКВД (туда Шолохов отдал на хранение наиболее ценные документы).

«Отдельные страницы рукописей подобрали солдаты, из них вертели самокрутки. Некоторые “бумажки” подбирали по дворам. Как их так разметало — никто не знает. История загадочна».

По другой версии, приводимой Сивололовым, рукописи «Тихого Дона», «Поднятой целины», документы, важные письма государственных деятелей, советских и зарубежных писателей были Шолоховым сложены в отдельный ящик. Потом вместе с родственником

Павлом Зайцевым они закопали ящик в сарае, а рядом схоронили в таком же ящике ружья. Так или иначе, а с 1941 года архив Шолохова считается пропавшим.

Столь пристальное внимание к писателю проявляется не только с высокой стороны, но и на Западе. Шолохов становится одним из наиболее публикуемых представителей советской литературы. Сразу после появления «Тихого Дона» на Родине, его начинают издавать во многих зарубежных печатных изданиях, причем, в отличие, например, от «Доктора Живаго» Б. Пастернака, с разрешения ЦК. Война же добавляет интереса к русскому писателю — мир стал узнавать Шолохова. Америка, Англия, Венгрия... издают «Тихий Дон», в феврале 1943 года в Нью-Йорке готовится премьера одноименной оперы Дзержинского.

3 августа 1941 года Бунин записывает в дневнике:

«Читал первую книгу “Тихий Дон” Шолохова. Талантлив, но нет слова в простоте. И очень груб в реализме. Очень трудно читать от этого с вывертами языка со множеством местных слов».

И еще запись:

«Кончил вчера вторую книгу “Тихого Дона”. Все-таки он хам, плебей. И опять я испытал возврат ненависти к большевизму».

«Хам и плебей», однако в таланте Шолохову первый русский Нобелевский лауреат не отказывает.

Вскоре после знаменательной встречи со Сталиным Шолохов заканчивает рассказ «Наука ненависти» (1942). В центре повествования — простой труженик войны, лейтенант. Да еще после плена... 16 августа 1941 года был издан печально известный Приказ Сталина № 270, по которому сдавшийся в плен — это предатель Родины, пленным выносился заочный приговор (смертная казнь), а семьи пленных подлежали аресту. Сильно, видимо, задел прозаика ужас несправедливости этого Приказа — эхом отзовется он во всех его более или менее значительных произведениях военных и послевоенных лет. Удивительное непослушание! «Наука ненависти» (первый рассказ за 15 лет) — первая ласточка, заявка на тему, определение позиции — будет почти сразу издана в США, Англии и Индии; в Мексике войдет в «Черную книгу фашистских зверств». Позднее — через 14 лет (такова сила впечатления) — в продолжение начатого в годы войны будет написана « Судьба человека »...

Политический агитационный заказ так и не был выполнен... В 1943–1944 Шолохов принимается за написание романа, долгожданного романа о войне... Но остается верен концепции истории, движущей силой которой является народ (вспомним выступление в первые дни войны на вешенском митинге). Ее придерживался еще при создании «Тихого Дона». Шел здесь от Л. Толстого: не случайно постоянное сравнение двух романов-эпопей.

«Существуют писатели, на которых Толстой и Пушкин не влияют... Ей-богу, на меня влияют все хорошие писатели. Каждый по-своему хорош», —

признался как-то Шолохов.

Михаил Шолохов заканчивает войну в том же звании, что и начинал, — полковник, награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. В «Правде» начали печатать «Они сражались за Родину», но критики растеряны. Нет образа «великого полководца». Сталин разочарован. Начинается новый поход на романиста, который вызывает недовольство своим поведением. В 1946 году Жданов предлагает (передает предложение Сталина) Шолохову заменить, хотя бы на время болезни, Фадеева на посту Генерального секретаря Союза писателей СССР, но получает отказ: «Через три часа отходит поезд на Ростов, и я уже взял билет...» Эта постоянная жизнь вдали от культурных центров станет причиной прозвища писателя — «вечный командированный». «Бойтся города», — резюмирует

Сталин (а ведь точно подмечено: когда-то эта удаленность жизнь спасла — было куда бежать). Сталин и Шолохов не видятся уже пять лет...

Шолохов работает, правда, не с запальчивостью 20-х годов, но роман о войне надеется закончить. Однако возникают новые трудности:

«Дело в следующем: завершаю первую книгу романа “Они сражались за Родину”» и уже приступил к работе над второй, — испытываю острую необходимость ознакомиться с материалами, касающимися обороны Сталинграда... С этим я не смогу — как мне было сказано — ознакомиться без Вашего на то указания... Вы понимаете, как губительно отразится на моей работе отсутствие этого материала, а потому и прошу Вашей помощи».

Это письмо к Маленкову осталось без ответа.

Много времени по-прежнему отнимают у Шолохова депутатские обязанности. Это замечают в центре. Его обвиняют в том, что он отлынивает от общественной работы в своем писательском союзе, в редколлегии журнала «Новый мир». А на XIX съезде партии произошло прямо-таки чрезвычайное происшествие: Шолохов пренебрег обязанностями делегата и ушел с заседания, не выслушав эпохальной речи Сталина. Так начинается новый этап биографии Шолохова: его объявляют безнадежным алкоголиком. Позднее, отвергая эти обвинения в адрес отца, Светлана Михайловна скажет:

«Вы когда-нибудь слышали, чтобы настоящий охотник был алкоголиком? С трясущимися руками? А отец — ах, как он славился метким выстрелом».

Однако вопрос о «злоупотреблении алкоголем» Шолохова, судя по архивным материалам ЦК, волновал всех и вся. В алкоголизме будет обвинен и застрелившийся (якобы из-за этой болезни) Фадеев. На его защиту встанет именно Шолохов (бывший недруг).

Но ему удалось дойти только до Ворошилова:

«Зачем, спросил, посмертно унизили писателя, героя Гражданской войны, вместе с делегатами десятого съезда партии штурмовавшего мятежный Кронштадт в двадцать первом году, тяжело раненного в том бою?! В ответ Ворошилов своим ноющим голосом сказал: “Фадеев нам страшное письмо оставил, на личности членов Президиума ЦК перешел”».

А в предсмертной записке фраза была о Сталине («сатрап») и его преемниках: «Тот был хоть образован, а эти невежды...» Вся история — прелюдия к тому, что произойдет впоследствии с самим Шолоховым.

В марте 1953 года умирает Сталин. 15 декабря открывается Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Шолохов берет слово. Он говорит о серости современной советской литературы, о конъюнктурщине и отсутствии нормальной критики и самокритики. Все эти мысли и потом будут неоднократно высказываться им в различных выступлениях по радио, на съезде писателей Казахстана, на творческих вечерах. Кажется, что основной, кого обвиняет Шолохов, — сам Шолохов (и молодой, который отказался когда-то дописывать вторую книгу «Поднятой целины» — не то сейчас волнует, и «повзрослевший», который никак не может выполнить обещаний, данных читателям и себе: дописать два романа).

«Гомером надо быть, чтобы суда уже ближайших потомков избежать. А мы что же? Временщики. “И каждому довлеет доля его”. Не способны мы и на шаг от “злобы” групп. Думаем, что наше сиюминутное — это и есть то, что устроит всех во веки веков» —

эти слова позже он скажет сыну Михаилу. В них осознана суть того, что мучило писателя во все послевоенные годы «полуработы». А на съезде — грубые нападки на Эренбурга и его новую повесть «Оттепель», давшую наименование целой эпохе. Шолохов назвал эту работу «топтанием на месте», шагом назад от великолепной предыдущей работы:

«У нас не может и не должно быть литературных селтльментов и лиц, пользующихся правом неприкосновенности».

(Как эти обвинения совпадают с обвинениями потомков в адрес самого Шолохова и его «Поднятой целины»!) Он не перестает критиковать Симонова по любому поводу. Здесь давняя война, которая длится с 1951 года, когда писатели обменялись обидными статьями по совершенно абсурдному поводу: нужны ли писателям псевдонимы...

Вот как вспоминал К. Симонов о разразившейся дискуссии:

«Шолохов отказал писателю в праве на псевдоним. В его неприятии псевдонима, как поняли люди моего окружения, скрыто было нечто большее, нечто более значительное, чем то, что он провозгласил — мол, за псевдонимами прячутся литжучки и делеги. Я, например, сразу раскусил, что Шолохов целит по писателям нерусской национальности... Шолохов между прочим попер против Сталина. Сталин... Сталин вел дьявольскую игру... Короче, на заседании Комитета по сталинским премиям обсуждаем роман какого-то писателя. Сталин разглядел в официальном представлении на эту кандидатуру, что после псевдонима в скобках стояла подлинная фамилия. Он разразился сердитой тирадой в своей излюбленной манере вопроса и ответа: “Не могу не спросить уважаемых товарищей, зачем, с какой целью пишется двойная фамилия? Читателю достаточно одной — привычной. Разве писатель не имеет права выступать под псевдонимом? Я думаю, что имеет. Хотите подчеркнуть, что он... еврей? Но зачем?” Так вот, Шолохов, несомненно, узнал о таком предостережении. Но не внял. То ли по наущению, то ли по убеждениям — в открытую, в лобовую попер против традиции псевдонимов. Напечатал в “Комсомолке” статью “С опущенным забралом”. Когда я ее прочитал, подумал: “Миша, Миша, неужели ты сам все это писал?” Я не мог поверить, что он сам взялся за столь неблагодарное занятие, что он решил послушаться Сталина...»

Шолохов, кажется, и сам не доволен был этой статьей: в собрание сочинений не включил, но нападки на Симонова с этих пор не оставил.

Продолжение темы: «Судьба человека»

Само появление этого рассказа в газете «Правда» на рубеже 1956 и 1957 годов, в номерах от 31 декабря и 2 января было значимым, ибо тем самым перебрасывало мостик от полного поворота для русской истории событий первого года «оттепели» к году следующему. Тем более что все публиковавшееся в те времена в «Правде» — центральном печатном органе партии — имело директивный характер и определяло собой политику страны. Вызовом прежним временам стало уже название рассказа: слово «судьба» считалось нежелательным, поскольку, как тогда казалось, отдавало мистицизмом, метафизикой, ведь за этим словом скрываются представления о предначертанности жизненного пути человека, о власти над ним роковых обстоятельств. А между тем сама мысль о возможности существования провидения или рока противоречила официальному «человек — кузнец своего счастья», «хозяин своей судьбы». Недовольство некоторых критиков вызвало и то, что главным героем повести Шолохов выбрал не убежденного коммуниста или прославленного героя, а простого работягу, обычного человека — «как все», к тому же с «подпорченной» биографией, — прошедшего немецкий плен. Таких, как он, тогда официально считали предателями, амнистированными (но не реабилитированными!) Сталиным лишь в 1953 году.

Однако название рассказа «Судьба человека», имя героя, скорее приобщавшее его к народной массе, нежели выделявшее из нее, жизненный путь Андрея Соколова, вместивший в себя, кажется, больше, чем по силам вынести одному человеку, — все это обозначало два полюса этого произведения. На одном из них речь идет о трагической судьбе конкретной личности, человеческой единицы — и в этом было знамение времени, когда литература наконец получила возможность от изображения подвигов масс обратиться к запечатлению судеб отдельных людей на войне. На другом же полюсе рассказа — та степень обобщения, которая позволяет говорить, что судьба Андрея Соколова — это судьба всего русского народа, прошедшего страшную войну, фашистские лагеря, потерю самых близких людей, но не сломавшегося. Такое сочетание в рамках одного произведения конкретности и монументальности, частного и общезначимого больше характерно для жанра эпопеи. И недаром критики заговорили о произведении

Шолохова как о «рассказе-эпопее». Каждый момент личной истории Андрея Соколова, каждый поворот его судьбы, воспринимаясь как глубоко индивидуальные, одновременно проецируются на историю, на судьбу родного ему народа, неотъемлемой частью которого он является. Бездетные родители, овдовевшие супруги, сироты-дети — страшная участь многих и многих людей тех лет. Семьи, которые в «Тихом Доне» еще оставались последним и единственным прибежищем для искалеченных войной душ, в результате последней войны разрушены. И у Андрея Соколова, и у его жены Ирины после Гражданской не осталось на земле родных, однако их гнездо не пощадила новая война: в тех страшных катаклизмах, которые принес с собой человечеству XX век, родство по крови перестало быть надежной связующей нитью между людьми, как связывало оно в «Тихом Доне» даже врагов — семьи Мелеховых, Коршуновых и Кошевых. На смену кровному родству у Шолохова приходит родство по несчастью, родство по сиротству, потребности в любви и в опоре друг в друге. Мальчик-сирота, подобранный Соколовым у чайной, не просто заменяет Андрею сына — становится его сыном, единственным смыслом искалеченной жизни: «Ночью то погладишь его сонного, то волосенки на вихрах понюхаешь, и сердце отходит, становится мягче, а то ведь оно у меня закаменело от горя». Недаром обрамляет рассказ Шолохова символическая картина пути, по которому ранней, первой после войны весной бредут к своему будущему дому отец и сын, — и каждый из этих образов говорит о вечности жизни, о том, что пока жива в человеке способность любить, народ бессмертен.

Появление рассказа Шолохова оказалось более чем своевременным: вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР за подписями Н. Хрущева и Н. Булганина:

«Осудить практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или в окружении противника, как противоречащую интересам Советского государства...»

Однако подобная «своевременность», как это уже принято, лишь помешала полному и объективному восприятию этого произведения. Особой критике его подвергнет в своем романе «Архипелаг ГУЛАГ» Александр Солженицын (еще один Нобелевский лауреат). На его безапелляционные замечания шолоховедом Осиповым будет дан ответ, основанный на строгом литературоведческом подходе, учитывающем особенности мировоззрения писателя, время создания рассказа, его место в контексте творчества Шолохова (от «Науки ненависти» до романа «Они сражались за Родину»). Мнение же другого критика — писателя из Алма-Аты В. Ларина — интересно тем, что указывает и обозначает истоки и последствия «трагического всепризнания»:

«Рассказ Шолохова возносят только за одно: за тему солдатского подвига. Но литературные критики такой трактовкой убивают — безопасно для себя — истинный смысл рассказа. Правда Шолохова шире и не заканчивается победой в схватке с фашистской машиной плена. Делают вид, что у рассказа нет продолжения: как большое государство, большая власть относятся к маленькому человеку, пусть и великому духом. Шолохов выдирает с кровью из сердца откровение: смотрите, читатели, как власть относится к человеку — лозунги, лозунги, а какая, к черту, забота о человеке!.. Плен искромсал человека. Но он там в плену, даже искромсанный, остался верен своей стране, а вернулся?.. Никому не нужен! Сирота! А с мальцом двое сирот... Песчинки. И ведь не только под военным ураганом. Но Шолохов велик — не соблазнился дешевым поворотом темы: не стал вкладывать своему герою ни жалостливых мольб о сочувствии, ни проклятий Сталину. Разглядел в своем Соколове извечную суть русского человека — благородство, терпеливость и стойкость...»

Нобелевская премия... Надлом

Известно, что фамилия Шолохова не раз была в списках кандидатов на Нобелевскую премию (одновременно с Б. Пастернаком). В 1958 году Женевский комитет разрешает это соперничество в пользу «Доктора Живаго» Пастернака. К тому моменту роман действи-

тельно становится известен за границей (одно из условий присуждения премии), однако не так хорошо, как «Тихий Дон» (чему много причин, прежде всего, конечно, политических). Как бы то ни было, а решение комитета не поддерживают даже западные писатели: в знак протеста против такого решения от премии отказывается Жан-Поль Сартр. Он объявляет Нобелевский комитет необъективным, политизированным органом. Сам же Шолохов в преддверии награждений оказывается за границей, во Франции (1957). В центре внимания журналистов давнишнее противостояние двух романов, естественный интерес к автору одного из них. Ответ Шолохова на вопросы журналистов породит впоследствии множество слухов, поэтому используем возможность привести ответ Шолохова полностью, как он был процитирован в эмигрантской газете «Свобода» (1960, № 1):

«Я полагаю, – самоуверенно заявил Шолохов, – что творчество Пастернака, за исключением его блестящих переводов Гете, Шекспира и некоторых грузинских поэтов, не представляет никакого интереса. “Доктор Живаго”, на мой взгляд, бесформенная масса, не заслуживающая даже названия романа... Правление Советских Писателей слишком погорячилось. Вместо того, чтобы запрещать “Доктора Живаго”, надо было его издать и дать возможность советским читателям самим расправиться с Пастернаком. Если бы мы поступили таким образом, этот роман был бы уже забыт нашими читателями, очень требовательными в области искусства».

Комментарии автора статьи А. Ингульского для Шолохова далеко нелицеприятны («самоуверенно», «уничтожающий отзыв о Пастернаке» с «видимым для всех противоречием», «шолоховский мешок лжи» и т. д.). Какова защита: напечатать, чтобы уничтожить (знакомый подход — отголосок «высшей сталинской дипломатии»)!. Тем более непонятна шумиха вокруг этого интервью на Родине писателя: «Обратить внимание М. Шолохова на недопустимость подобных заявлений, противоречащих нашим интересам» и т. п.

Шолохов станет Нобелевским лауреатом только в 1965 году. Сразу после посещения Союза писателей в Москве вице-президентом Нобелевского комитета, давшего понять, что в этом году будет снова обсуждаться кандидатура Шолохова, Михаил Александрович обратится в ЦК за разрешением... на получение. ЦК разрешит (Пастернака вынудил отказаться).

Занимательное происшествие на церемонии вручения, отраженное в заметке ТАСС с переложением репортажа американского корреспондента из «Ассошэйтед Пресс»: «Казачи не кланяются, они никогда не делали этого и перед царями...» Это по поводу необходимого по канону поклона лауреата королю Швеции: Шолохов-де головой двинул, но в другую сторону — вздернул... Интересная цитата из разговора исследователя Осипова с Михаилом Александровичем Шолоховым:

«Как-то спросил у Шолохова:

— Так ли было?

Он ответил с лукавой усмешкой:

— Мне протокол не к чему было нарушать. Я ничего такого не замышлял. У меня просто, наверное, другого выхода не было. Король в росте на голову меня превосходил. Ему кланяться можно... А мне как? Мне несподручно. Мне вместо поклона пришлось голову подымать...»

Быль или небыль, но этот исторический анекдот, как любой, несет в себе «долю истины». Здесь она заключена в изумительно краткой и показательной характеристике писателя (по-мужицки хитрого дипломата). Это было и в 1937, это останется навсегда с некоторой корректировкой на время.

К сожалению, корректировка эта не всегда в пользу Шолохова-человека. Середина 1960-х: дважды награжденный Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, удостоенный Ленинской и Государственной премий, увенчанный высшей мировой литературной наградой — Нобелевской премией, Шолохов к этому времени все чаще оказывался в трагическом разладе между искренними убеждениями в правоте партийной линии и реаль-

ностью. Справедливые требования связи литературы с жизнью, с которыми он выступает на Втором съезде писателей СССР, на XX и XXIII съездах КПСС, соединяются у него с ерничеством и несправедливыми нападками на собратьев по перу. Из речи на партсъезде по поводу «писателей-диссидентов» Андрея Синявского и Юлия Даниеля:

«Мне стыдно не за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое святое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытается взять их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась».

Интеллектуальная Москва забурилась: не только не защитил, что достойно было бы писателя-гуманиста, но и потребовал ужесточения мер... Вот когда сказались наследие «культы личности»... Однако в выступлениях обвинителей позиции Шолохова, призванных быть лояльными, столько же бескомпромиссности, сколько и у самого обвиняемого. Ибо наследие для всех одно.

С этой поры — новые штрихи к портрету писателя, как ни обозначай: «талантливый, но сломленный», «головокружение от успехов и признания», «не писатель-депутат, депутат-писатель», «комплекс Горького» и т. п. Если следовать фактам — было все. Как в свое время Горький защищал и уничтожал, так и Шолохов теперь выражает особую заботу о молодых писателях (из письма Хрущеву):

«Мне бы хотелось по согласованию с руководством Союза советских писателей захватить с собой несколько хороших книг молодых наших писателей и рекомендовать их к изданию в Швеции. К моему мнению скандинавские издатели прислушиваются, и если мне удастся убедить Гидлунга и книги будут изданы в Швеции — я буду просто по-товарищески счастлив. Издание в Швеции обеспечивает и издание в Норвегии и Дании... “Донские рассказы” — нечего греха таить — слабенькая, ученическая книга, и я не вижу разумных оснований со стороны Гидлунга отказываться от издания более зрелых книг теперешних молодых советских писателей...»

По-прежнему (но уже в духе времени, а потому это не ставится многими критиками ему в заслугу) Шолохов ходатайствует за полную реабилитацию невинно осужденных: Иван Клейменов (ученый-реактивщик, зять Левицкой), Иван Макарьев, генерал Михаил Лукин (его образ будет выведен в военном романе), Абрам Гурвич (критик, литературовед) и многие другие. Он продолжал заботиться о благосостоянии семей «врагов народа», вместе с Михаилом Исаковским и Вс. Ивановым хлопотал о сестрах Есенина (письмо в ЦК с просьбой дать разрешение бедствующим женщинам вступить в права наследства). Приводим это не в оправдание — для большей объективности.

Неоконченный роман. Последние годы жизни

Страшная для биографии писателя фраза «последние годы жизни», если целые эти «годы» занимаемы лишь одним: «Мои планы — думаю закончить роман “Они сражались за Родину”». Пройдет почти 20 лет после этих слов на встрече с делегацией девушек-дагестанок, а роман закончен так и не будет... Новая трагическая эпопея.

Биографы, рассказывая о последних годах жизни Шолохова, вынуждены все больше писать о его депутатской, секретарской (в Союзе писателей), хозяйственной работе, многочисленных зарубежных поездках. Очень мало о литературе. Очень много о новых обвинениях в плагиате (снова из-за творчества Федора Крюкова, умершего, кстати сказать, в 1920 году) и их развенчании. Очень много о взаимоотношениях с коллегами-писателями (Солженицын, Твардовский и т. д.)...

Буквально у всех на устах один вопрос: «Почему так мало пишет?» Ответ, однако, был дан Шолоховым, и не однажды: «Я, знаете ли, пишу медленно. Это ведь не порок для писателя, не так ли? Поспешность хороша при ловле блох...» Кроме того, Шолохов неоднократно указывает на некоторые другие причины: недоступность военных архивов, необходимость критического подхода к своему творчеству и т. д.

Поскольку все правда: и писал мало и медленно, и относился к себе все-таки критично, — то и говорить остается только об истории последнего романа Шолохова. А традиционно нелегкая судьба ожидала и это детище писателя...

Напомним, что первая книга романа «Они сражались за Родину» была опубликована сразу после войны. Основной упрек критики — нет образа «великого полководца». Ирония судьбы: теперь, во второй книге уместно, по мнению писателя, упоминание (не выведение гениальности!) имени Сталина, но снова, по мнению политиков, неправильно (Хрущев: «Еще не пришло время писать о Сталине и о тридцать седьмом. ЦК уже все высказало...»; Брежнев: «Михаил Александрович, не сыпь темой разоблачения Сталина соль на незажившие раны...»). Шолохов болезненно воспринимает негативное отношение к новому роману. Привычка, воспитанная годами жизни при Сталине, обращаться за помощью к вождям — посылает рукопись Брежневу. Три месяца пролежит она в кремлевских кабинетах, а вернется ни с чем (ни отзыва, ни четких распоряжений цензоров). Шолохов торопится: он уже тяжело болен (рак), время — против него. В «Правде» появляются главы романа, изуродованные редакторской правкой. Шолохов едет в Москву, добивается аудиенции, но теперь другие времена, другие лица, писатель возвращается ни с чем. Его не приняли, его уже списали со счетов под бравурные пустые похвалы. Это конец для художника — чувство ненужности, невостребованности, это конец для романа (писатель убедил себя, что его книга о войне и предвоенных годах не нужна партии, а значит, и народу, и... сжигает рукопись). Здесь начало новой легенды: свидетель этого деяния — жена писателя — факт гибели рукописи не подтвердила и сам писатель об этом промолчал. О судьбе военного романа говорил лишь секретарь Шолохова, и то ссылаясь на младшего сына Михаила Михайловича Шолохова.

Однако пока рукопись книги не найдена. В 1993 году дочерью писателя предпринята попытка восстановления романа в полном объеме по сохранным ею купюрам.

«Паршивые, бездарные ученики мы у истории — вот что плохо...»

Этими горькими, провидческими словами закончим мы рассказ о нелегкой судьбе писателя — обласканного и «лаской» этой уничтоженного, униженного...

Заголовок в черной рамке в газете «Правда» от 22 февраля 1984 года:

«Михаил Александрович ШОЛОХОВ».

И дальше:

«Советская литература понесла тяжелую утрату. 21 февраля 1984 г. на 79-м году жизни после тяжелой и продолжительной болезни в станице Вешенская Ростовской области скончался великий писатель нашего времени, дважды Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, лауреат Нобелевской премии, действительный член Академии наук СССР, секретарь правления Союза писателей СССР Михаил Александрович Шолохов...»

В некрологе были употреблены все «нужные» штампы: «летописец советской эпохи», «золотой фонд мировой литературы», «верный сын Коммунистической партии», «страстный борец за революционное обновление жизни» и т. д. и т. п. А тем временем в Вешенской все траурные дни два «гостя» из Москвы тщательно переворачивали личные бумаги только что умершего знаменитого писателя... Из добрых побуждений «уничтожали компромат»...

«Паршивые, бездарные ученики мы у истории — вот что плохо. А у нее одно, веселенькое такое, правило есть. Все, что для предков правым было, для потомков чаще всего неправым оказывается. И далеко ходить не надо. Все, что нашим отцам-дедам дорого было, мы на штыки подняли. Но и все, чем мы сейчас восторгаемся, и всех, кто восторгается, скорее всего уже наши внуки проклянут. А мы все продолжаем думать, что нас минет чаша сия» (М. А. Шолохов).

Снова о себе? А может быть, не только?..